

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 23

1983

Анна КОЗЛОВСКАЯ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

СВЕКРОВЬ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 23

Анна КОЗЛОВСКАЯ

СВЕКРОВЬ

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Анна КОЗЛОВСКАЯ

Анна Ивановна Козловская родилась в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного университета и Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства, после чего работала в Москонцерте. Сначала в отделе сатиры и юмора как автор и исполнитель коротких рассказов, затем в отделе чтецов и сцен.

Печатается с 1964 года.

На конкурсе газеты «Вечерняя Москва» на лучший рассказ, очерк, стихотворение отмечена премией за рассказ.

Занимается также литературными переводами с новогреческого.

СВЕКРОВЬ

С тех пор, как бабка Пелагея уехала из родной деревни, бабкой ее никто не звал. Стала бабушкой Пелагеей. Жила она почти в самом центре Москвы в одноэтажном домике, чудом сохранившемся в тихом переулке. Дом был старый, деревянный, с резными ставнями, и в недалеком будущем его ждала печальная участь — на слом. Но бабушка Пелагея так и сказала в домоуправлении: «Не поеду, никуда не поеду». И с собрания ушла очень взволнованная. А раньше из своей деревни уезжать не собиралась. Хоть сын звал и невестка в письмах просила: «Давайте к нам, мама, что люди скажут?» Но она не торопилась. Немыслимым казалось бросить родные места, эту кровную землю, которую в ту голодную военную весну бабы одни на себе вспахали... Эту избу, где все счастье пережито, все горе выплакано, где жизнь прошла и куда в тот черный день «похоронку» ей принесли... Неправильно Григорий пишет: «Что вы, мама, одна совсем живете?» Как так одна? Кругом-то все свои. Вместе колхоз поднимали, сына помогли вырастить, на учение послали.

Но пришло известие о смертельной болезни младшей сестры, которая двадцать лет проработала в городе дворничихой. Эта злая весть и сорвала бабушку Пелагею с родного места. С тяжелыми мыслями собиралась она в дорогу: «Господи, беда-то какая! И болезнь мудреная — слово не выговоришь. Жила бы себе Зинаидушка в родной деревне... Здесь про такие болезни и не слышать вовсе». Невеселой была дорога.

Город принял бабушку Пелагею, как все города принимают деревенского жителя, — пестрой сутококой и непривычным шумом, к которому она, однако, скоро привыкла.

Восемь месяцев ходила за больной сестрой и за это время неожиданно для себя привязалась к своему новому месту жительства. И к тихому московскому переулку и к большой, светлой сестринской комнате, чем-то похожей на деревенскую горницу. Под окном куст шиповника. И садик маленький при доме — жильцы золотые шары посадили. А после смерти сестры так тут и осталась. Тяжела она была на подъем. Да и кто за сестринской могилой присмотрит? Сын целый

день на работе. У невестки хлопот полон рот. И еще. Ходила она каждую неделю на могилу Неизвестного солдата.

Бабушка Пелагея жила спокойно и была всем довольна.

— Мне ли бога гневить? — говорила она соседке, бессемейной сухонькой женщине, которая работала кассиршей в городской театральной кассе, а в выходные подрабатывала — стучала на пишущей машинке. — Все у мене, Люба, есть. И сын — кандидат наук. И внук Вадик вона какой — отличник. И здоровьем бог не обидел. Давеча из второй квартиры на сон жаловалась... А ведь моложе мене — шестьдесят восемь годочков только-то. А я?! И сплю крепко и сны хорошие вижу. Вот так-то, Люба.

А сын все звал: «Что вы, мама, опять одна живете? Дом все равно скоро сломают. Дадут вам комнату в новом районе за тридевять земель. Шли бы к нам». А невестка обижалась: «Разве я, мама, вам чего-нибудь сделала? Что люди скажут?»

И бабушка Пелагея решилась. Сняла со стены образа, упаковала. Сложила черную выходную шаль, полотенца с красными вышитыми петухами. И переехала к сыну. Так — вроде бы погостить.

Вернулась обратно дней через десять. И строго сказала соседке:

— Не смотри так, Люба, — никто мене не обидел. Привыкшая я к этому месту. Да и пол ихний лаковый не люблю. Я на нем что корова на льду.

И с воодушевлением хвалила невестку:

— И красавица и работница. Каждый день рубахи стирает, брюки утюжит. За Вадиком смотрит — глаз не спускает. Весь дом на ей одной.

— А чего не ужились? — Подозрительной была соседка.

— Я ж тебе давеча сказывала! Привыкшая я к этому месту. Тут а и уберусь и посуду помою... Живой я человек али нет? А тама за что ни возьмусь — отдыхайте, мама. Оно, может, и верно — посуда у них больно дорогая... А давеча Наталья люстру купила — обратно из хрустала. Сверкает. Теперича на ковер копит. Хорошо живут. Слава богу...

— Между собой-то как? — не унималась соседка.

— Али ты, Люба, бестолковая, али не слышишь, чего я тебе сказываю. Да он у нее как сыр в масле катаетси. Золото — невестка! А пироги с грибами какие печет! Я свои хотела спечь. Ни-ни! Отдыхайте, мама. И домой отпускайте не хотела.

— Вот так-то оно со свекрухами и получается! — Соседка внимательно выковыривала из очищенной картошины черные глазки.

— Какая ты, Люба! — Бабушка Пелагея с досады перестала месить тесто. — Да разве я чего говорю? Золото — невестка! Да только старая я... Мешаю...

— Чем же это? — Соседка сердито загремела кастрюлей.

— Да как же, Люба! — вздохнула бабушка Пелагея. — Вона давеча... Они гостей ожидали... Мне Наталья и говорит: «Мама, вы образа-то сымите ненадолго. А когда гости уйдут — пожалуйте». Стара я, чтобы образа-то сымать...

А зима уже отгремела последними морозами, и в тихом переулке зашумели веселые ручьи. Дни стояли теплые, светлые. И каждый нес тихую радость. Тут еще соседка сообщила распрекрасную новость: дом подождут ломать — Олимпиада, строителей не хватает.

Вот и куст под окном зазеленел, потому что настало его время. Каждое утро, просыпаясь, она смотрела на молодую его зелень и радовалась: «Благодать-то какая! Весна опять на дворе. Бог милостив».

Это случилось — будто снег на голову. В субботу, как обычно, бабушка Пелагея ждала в гости сына и по старой деревенской привычке бодрствовала с шести часов утра. Она как раз вытаскивала пирог из духовки и была очень довольна его поджаристой корочкой. Вдруг, неожиданно нарушив утреннюю тишину, зазвонил телефон. «Кто же это в такую рань?» — удивилась бабушка Пелагея и заковыляла к телефону. И не сразу даже поняла, кто звонит, — невестка всхлипывала, не переставая.

— Да ты погоди! Погоди! — испугалась бабушка Пелагея. — Толком, толком скажи... Что случилось?

А потом не поверила своим ушам.

— Как ушел? Куды ушел? Погоди, Наталья, не голоси! Я сейчас к вам приеду! Мигом приеду — на такси. Ты погоди...

Она заметалась в поисках черных кожаных полуботинок. «Господи! Куды ж они запропалились, ботинки-то? Наталья давеча просила их носить». «Что вы, мама, в войлочных тапочках за хлебом ходите? Будто мы вам денег на туфли не даем?! Что люди скажут?»

Наконец нашла. Кряхтя и охая, стала их надевать. Руки дрожали, и никак не удавалось попасть шнурком в последнюю дырочку. «Как это из дому ушел? Куды ушел? Будь они неладны, ботинки эти! Меньше они, что ли, стали? Вчера еще он ушел... Быть не может!»

Заплаканная невестка открыла дверь. Она уже не всхлипывала. Только смотрела на свекровь печально и укоризненно. Бабушка Пелагея устремилась было в комнату, но остановилась в нерешительности. Новый пушистый ковер цвел на полу сказочными цветами. И она побоялась ступить на него ногой.

— Тапочки под вешалкой, — посоветовала невестка, и бабушка Пелагея, кряхтя и охая, стала стаскивать свои полуботинки.

Попав наконец в комнату, она сразу заметила большую хрустальную пепельницу, вернее, то, что от нее осталось. Куски лежали посредине стола и были аккуратно приложены один к другому.

— Я Вадика за специальным клеем послала — для хрустала. Григорий ее об пол, мама! Нарочно! И еще хотел ту вазу за двести пятьдесят.

Бабушка Пелагея присела на краешек стула и перекрестилась.

— Его за хулиганство к уголовной ответственности надо привлечь, — всхлипнула невестка.

— Ты скажи мне, Наталья, из-за чего дело-то вышло? Григорий-то наш — мужик тихий, непьющий...

— Непьющий-то он непьющий! — Наталья заплакала навзрыд. — Только зачем вазы бить да еще мещанкой обзывать?! Я давно уже знаю, что у него любовница...

Услышав такое неприличное слово, бабушка Пелагея вся сжалась, как будто бы от удара.

— Ты погоди, погоди, Наталья... Может, он у товарища какого заночевал?

Невестка перестала плакать и из кармана своего розового шелкового халата вытащила скомканный листок бумаги.

— У товарища?! Да он ничего скрывать не намерен! Совсем совесть потерял. Вот! Он и телефон ее оставил — теперь это его новый телефон. «Если понадобится» — так и пишет. Вот! Если понадобится! — Невестка опять зарыдала. — Вы ему позвоните, мама. Позвоните, пожалуйста! Может, воздействует! Что люди скажут! Я ему всю молодость отдала...

Когда бабушка Пелагея вышла на улицу, то почувствовала слабость в ногах и остановилась. К ней подошла маленькая школьница с белыми бантами в косичках:

— Бабушка, вас через дорогу перевести?

Это вывело ее из оцепенения, и, протягивая девочке записку с телефоном, которую все время сжимала в руке, она попросила:

— Глазки-то у тебе молодые. Где у вас тут автомат стоит?

Девочка показала ей ближайший телефон-автомат, расшифровала цифры и, встав на дыпочки, помогла набрать номер. К телефону никто не подошел.

Добравшись до дому, она легла в постель и пролежала до вечера. Испугавшись тишины в ее комнате, соседка осторожно постучалась.

— Ты входи, входи, Люба, — слабым голосом сказала бабушка Пелагея. — Занемогла я что-то. Свет зажги. Да не смотри, что не прибрано.

— Может, врача? — забеспокоилась соседка.

— Не надобно мне врача.

— Может, Григорию Николаевичу позвонить? Сегодня он не был в роде бы...

— Тама пирог на кухне осталси. Ты угощайси, Люба.

— Я дверь открытой оставляю, — сказала обеспокоенная соседка. — Если что — позвоните.

Соседка ушла к себе и сразу же застучала на пишущей машинке. От этого привычного стука, который теперь долетал до бабушки Пелагеи через открытую дверь, ей вроде бы полегчало. Она поднялась с кровати, кое-как прибралась в комнате и заковыляла на кухню.

На следующий день, едва дождавшись, когда соседка отбудет на рынок, бабушка Пелагея набрала ненавистный номер.

— У телефона,— ответил хриплый мужской голос.

— Мене Григория Николаевича,— попросила бабушка Пелагея.

— Нету их,— рявкнул хриплый мужской голос.— До вечера не звоните!— После чего в трубке раздались короткие гудки.

Бабушку Пелагею стали мучить страшные мысли.

— Господи, мать божья, пресвятая богородица... А этот кто ж такой будет? Не муж ли ейный?

Она ждала, то и дело поглядывая в окно — не темнеет ли. Вечером позвонила опять. На сей раз к телефону подошел сын. И сразу начал оправдываться.

— Мама! Я не успел вам сказать... Тут все так внезапно получилось. Я приду — все объясню.

— Ты не ко мне иди, бесстыдник,— пронзительно закричала бабушка Пелагея,— а домой иди! В родную семью!

В это время в квартиру вошла ничего не подозревавшая соседка. Но остановиться бабушка Пелагея уже не могла.

— Срам какой!— кричала она что есть мочи.— Стыды! Седина в голову — бес в ребро?! В твои-то годы отец на войне героически жизнь свою положил. А ты безобразничаешь?— Бабушке Пелагее стало трудно дышать, и она остановилась. Но сразу же испугалась воцарившегося в трубке молчания:— Ало?!

— Я слушаю, слушаю, мама,— спокойно сказал сын.

— Слушаешь?— опять закричала бабушка Пелагея.— Хорошо, что слушаешь. Я куды звоню?

— Ко мне, мама, звоните.

— Нет, ты мене скажи, куды я звоню?— не унималась бабушка Пелагея.

— Ко мне домой!— рассердился наконец сын.

— Вона что-о-о!— почти пропела бабушка Пелагея.— Домо-о-ой?! У тебе, бесстыдник, дом в другом месте! В твоём доме родная жена и сын-отличник! Ты у них в ногах валяться должен...

— Ну хватит, мать!— гаркнул Григорий.— Наталья грозилась в парторганизацию обратиться... Так вы давайте заодно... Единым фронтом!

— И пойду!— неистовствовала бабушка Пелагея.— И пойду! Нежели ты апосля этого партейный?!

С этих пор лишилась бабушка Пелагея покоя, а зеленый куст под окном больше ее не радовал. Она знала, что рано или поздно сын придет и она будет с ним говорить... Ждала этой встречи и боялась ее.

Григорий пришел через неделю. И не один.

— Здравствуйте, мама,— сказал он строго.— Ее зовут Таня.

Невысокая, коротко стриженная молодая женщина с растерянной улыбкой на бледном, худеньком личике остановилась в дверях, не решаясь войти в комнату.

— Входите, коли пришли,— не глядя на нее, проворчала бабушка Пелагея.

Таня вошла и опять остановилась в нерешительности.

— Садитесь, коли пришли,— опять проворчала бабушка Пелагея и посмотрела на сына недобрыми глазами.

Она заковыляла на кухню ставить чайник, а когда вернулась, сразу пошла в бой.

— Как Вадик? Отметки какие принес? Наташа как?

— Вадик молодец,— спокойно ответил сын. Только одна четверка, по географии. И Наташа хорошо, здорова. Еще одну люстрочку купила — для кухни. Чуть поменьше той, хрустальной, но тоже ничего.

— Весна-то в этом году какая ранняя,— сказала бабушка Пелагея.

— Да,— подтвердила Таня.— Ранняя.

— А дождей чтой-то мало,— вздохнула бабушка Пелагея.

— Да, почти совсем нет,— согласилась Таня.

— Грибов, должно, мало уродится в нынешнем году,— заметила бабушка Пелагея.

— Ну и черт с ними, с грибами!— сказал Григорий.

Бабушка Пелагея в ответ больше ничего не сказала. Только внимательно посмотрела на Таню. «Господи, твоя воля! Ни кожи, ни рожи. Да Наталья супротив ее — королева!»

Гости ушли скоро.

А через месяц Григорий пришел прощаться.

— Уезжаем мы с Таней, мама. В Сибирь едем.

— В Сибирь?— ужаснулась бабушка Пелагея.

— Да что вы, мама, так испугались? В Академгородке работать будем. Таня ведь тоже физик.

— Пришла беда — открывай ворота,— только и сказала она в ответ.

И потекли унылые дни один за другим. По утрам просыпалась она с тяжкими мыслями. Пирогов по субботам не пекла — сын был далеко. Скучала по внуку, но звонить туда боялась — было стыдно за сына.

И потянуло ее вдруг назад в деревню.

«Схожу к Зинаиде в последний раз. Попрощаюси. А на следующую весну, даст бог, приеду — цветочки посажу».

И стала собираться.

Так что тот веселый бородатый человек из Сибири застал ее накануне самого отъезда.

— Как живете-можете, матушка Пелагея Васильевна?

Такое необычное обращение очень удивило бабушку Пелагею. К тому же своей бородой и длинными волосами незнакомец сильно напоминал ей священника.

Только она собралась спросить, кто он и зачем пожаловал, как незнакомец сам ей все объяснил.

— Сначала вот — денежки. Сын прислал. Держите, а то пропью. А теперь рассказывайте про ваше житье-бытье... Как на духу. Григорий Николаевич все велел разузнать.

Бабушка Пелагея вся встрепенулась, всплеснула руками, засуетилась, загремела посудой...

А когда гость выпил две чашки чая, завязался разговор.

— А давно вы тама, в Сибири-то? — жалостливо спросила бабушка Пелагея.

— Не так чтобы давно, да и не так чтобы недавно, — заулыбался гость, и при этом усы и борода у него пришли в движение.

Бабушка Пелагея тяжело вздохнула, а гость опять заулыбался — зашевелил бородой.

— У нас там, в Академгородке, рай земной, а вы вздыхаете... Птички поют, академики бегают, лес шумит. И, главное, понимаете ли, думать никто не мешает. Григорий Николаевич тему весьма сложную взял и хорошо пошел. Молодец он у вас, матушка Пелагея Васильевна.

— Значит, все слава богу? — недоверчиво покосилась на гостя бабушка Пелагея.

— Да как вам сказать?

Бабушка Пелагея насторожилась:

— А здоровье как? Сибирь все-таки.

— Вот к этому пункту нашего заседания мы сейчас с вами и перейдем.

Гость посерьезнел, а бабушка Пелагея замерла.

— Григорий Николаевич захворал. — Гость стал неторопливо поглаживать свою окладистую бороду. — Правда, он просил меня коснуться этого вопроса между прочим, не придавая ему особого значения...

— Господи! — простонала бабушка Пелагея.

— Матушка Пелагея Васильевна, — строго сказал гость, — даю вам честное слово, что ничего страшного не произошло. Но все-таки! Что-то с сердцем. Ему предписан постельный режим еще две недели. Если будет вести себя подобающим образом, все обойдется. Успокойтесь.

Бабушка Пелагея стала вытирать глаза кончиком головного платка.

— Ну вот, ну вот... — смутился гость. — Пелагея Васильевна, голубушка, я же сказал — ничего страшного. Похож я на обманщика?

На обманщика гость не был похож. Но, когда он ушел, бабушка Пелагея пришла в неописуемое волнение. И снова стала искать черные кожаные полуботинки. С большим трудом она нашла их наконец в шкафу завернутыми в газету. Развернула, протерла и поставила около двери наготове. А ночью ей чудились кошмары. Ее Григорий — в жару, в бреду. А Татьяна, разлучница и злодейка Татьяна, которая довела сына до такого состояния, гуляет по тамошнему городку с академиками...

И бабушка Пелагея стала собираться. Прежде всего она уложила валенки. Сибирь все-таки. Потом достала черный плисовый полушубок, приобретенный еще в колхозном универмаге. Насушила сухарей — Сибирь, что ни говори! Взяла муки, еще кое-какие продукты прихватила. Сняла со стенки образа — упаковала. Получился довольно большой узел. Но бабушка Пелагея тяжести не боялась. Еще не такие мешки приходилось ей таскать во время уборочной.

Оказавшись в вагоне, она стала проталкиваться внутрь вместе со своим узлом, который вызывал у окружающих большое недовольство. И едва ей удалось, наконец, в общей сутолоке отыскать свою нижнюю полку, как поезд тронулся. А бабушка Пелагея долго еще не могла отдышаться.

Щуплый, махонький старичок деревенского вида, который поселился на противоположной полке, помог ей затолкать узел под лавку и весело спросил:

— Сибирячка?

— К сыну еду, — нехотя ответила бабушка Пелагея.

— А я от сына. Гостил. Федором Тихоновичем меня зовут.

— Пелагея Васильевна, — нехотя представилась бабушка Пелагея.

Старичок выгрузил из чемодана свои продукты и, достав из кармана большой перочинный нож, стал резать сало, соленые огурцы, сыр, докторскую колбасу.

— Угощайтесь! Невестка в дорогу собрала. Все по моему особливому вкусу положила, — и остановил проводницу.

— Барышня! С чайком, давай сюда заворачивай!

Бабушка Пелагея выставила угощение со своей стороны. — И они стали чаевничать.

— Ну, прямо никак отпустить не хотел. Отдельную комнату отвели, — хвалился старичок, глотая горячий чай. — А я чего говорю. Погостил — пора и честь знать!

После третьего стакана горячего чая старичок сильно запарился и стал стаскивать с себя помятый старенький пиджачишко. Свернул его привычным движением и сунул под лавку.

— Тама гвоздики есть, — посоветовала бабушка Пелагея.

— А чего ему сделается? — Старичок расправил щуплые плечи и шумно, с облегчением вздохнул. — Мне сын грозился модный

купить. А я чего говорю? Светке, дочке своей, наряды покупай. Я свой пиджак ни на какой не променяю. Мне в нем дышать просторно. А деньги у меня у самого на книжке лежат.

— У их свое понятие, у молодых,— вздохнула бабушка Пелагея.— А вы сами-то из каких будете?

— Я-то? Деревенский я. А в настоящее время в леспромхозе работаю сторожем.

— Хорошо,— сказала бабушка Пелагея.— На воздухе, стало быть.

— У нас, в Сибири, с воздухом хорошо. На всей земле такого воздуха нет. Наш воздух — со звоном. Простор у нас. Лес могучий... Я сыну говорю: «И не проси даже! не могу я в городе жить. Земля, когда пашню просит, ты помнишь, как она пахнет? А ты зовешь...» Он у меня со студенчества городским стал.

Чем-то родным, деревенским повеяло на бабушку Пелагею от его слов. И, глядя на его застиранную косоворотку, она почувствовала к этому старичку большое доверие, и потянуло ее на откровенность.

— А мой от семьи в Сибирь убег. Сына, жену бросил. А теперича тама занемог,— и она стала вытирать глаза кончиками головного платка.— Вот я и еду.

— Один убег? — деловито спросил ее собеседник.

— Ох, не один. Теперича она его до болезни довела.

— Да не печальтесь вы так. Может, все еще обойдется.

— С тем и еду. Думаю, перво-наперво выхожу я его, на ноги поставлю. А там, может, и одумается.

— Повлияете. Хотя это как бог даст...— Старичок перестал есть и стал задумчиво смотреть в окно.

— У меня на фронте девушка была. Связистка. Надей звали. Погибла моя Надежда в 45-м под самым Берлином. До сих пор забыть не могу. А к тому времени я уж семейным был. Сына маленького в деревне оставил... Да... Это уж как бог даст...

Некоторое время он молча смотрел в окно. Потом поинтересовался:

— Красивая?!

— Ой, да смотреть-то не на что,— замахала руками бабушка Пелагея.

— Это уж как бог даст,— раздумчиво сказал старичок и добавил утешительно:

— Повлияете. Матери, они большое влияние имеют.

— Я и то думаю...— вздохнула бабушка Пелагея.

На следующий день к вечеру ее дорожный собеседник сложил свой перочинный ножик, вытащил из-под лавки пиджачишко и ласково сказал:

— Счастливенько вам доехать, Пелагея Васильевна. Спасибо за компанию. И не печальтесь так — повлияете.

Всю остальную часть дороги бабушка Пелагея ехала молча, наедние со своими тяжкими мыслями. Наверное, поэтому ей стало казаться, что поезд идет медленно.

Но поезд шел с положенной скоростью, и на третьи сутки в вагоне раздались победная музыка и диктор возвестил о прибытии в город Новосибирск. Бабушка Пелагея сразу же вспомнила о своем теплом плюсовом полушубке, но народ кругом был одет по-летнему, а в окно вагона ласково светило осеннее солнце. Она выгрузилась из вагона вместе со всеми и осталась стоять на месте. Кругом суетились, обнимались, спешили, а бабушка Пелагея стояла около своего большого узла и все присматривалась — у кого бы спросить. Скоро она заметила, что народ рассасывается с поразительной быстротой, и ей стало страшновато. Когда же перрон совсем почти опустел, она не стала больше медлить и, цепко поймав за рукав стремительно мчавшегося паренька с рюкзаком, жалобно спросила:

— Сынок, ты не слыхал, где тут городок с академиками?

— Академгородок? — обрадовался парень. — Я туда! За мной, бабуса!

Бабушка Пелагея поспешила за своим спасителем, но никак не могла поспеть. Парень летел впереди, но время от времени на нее все-таки оглядывался и замедлял свой стремительный шаг. Наконец он выхватил у нее тяжелый узел и захохотал:

— Вы, бабуса, с приданным к академикам прибыли? Узелочек ничего себе!

Бабушке Пелагее было не до смеха, но ей очень понравился этот добрый паренек, который тащил теперь ее тяжелый узел вместе со своим рюкзаком, и она подумала: «Какие они все душевные, которые из Сибири». Парень погрузил ее в автобус вместе с «приданным», а сам остался ждать следующего — мест не хватило.

Автобус двинулся, и бабушка Пелагея постепенно успокоилась: «Город какой красивый. Дома большие. Деревья вона. Клумбы с цветами...» А когда автобус выехал за город, совсем обрадовалась: «Лес-то какой густой — прямо как у нас, в России. Вона и елочки пошли. Красота какая!»

Попав на территорию Академгородка, она села на первую попавшуюся скамеечку отдохнуть, огляделась и прислушалась.

Осень уже начала раззолачивать деревья. И солнце просвечивало сквозь листву. В свежем воздухе был разлит покой, и не было городского шума, к которому бабушка Пелагея так привыкла за последние годы. Ей сразу вспомнился бородатый гость из Сибири. «И впрямь птички поют. Вона как заливаются. Тишина... Спокойствие... И впрямь рай земной». Она шла по Академгородку, волоча свой большой узел и приветливо здороваясь с редкими прохожими по деревенской привычке. Асфальтовая тропинка была узкой. Поэтому,

когда впереди показался велосипедист, бабушка Пелагея засуетилась, примериваясь, куда бы ей с этой тропинки сойти. Но вежливый велосипедист остановился, чтобы дать ей дорогу. У него она спросила, как найти своего сына. Тогда незнакомый пожилой человек погрузил на велосипед ее узел и проводил до самого дома, да еще просил передать Григорию Николаевичу привет от сослуживца. Она даже и не знала, как его благодарить.

— Поставь мне на пол! Слышь, чего говорю?! Григорий!— Бабушка Пелагея барахталась в могучих объятиях сына и, почувствовав наконец твердую почву под ногами, сразу же начала выговаривать:— Ты зачем с койки встал? Тебе доктор чего велел? Две недели плашмя лежать — не шевелиться. Али ты сдурел совсем? Али маленький?

— Так я и знал!— захохотал сын.— Напугал ее наш Валерий до ужаса. Выздоровел я, мать. Во!— И он сжал руки в локтях, надувая мускулы.— На мне пахать можно!

— Марш в постель!— скомандовала бабушка Пелагея.— Слышь? Кому говорю!

Григорий прилег на диван, а Таня побежала на кухню и загремела тарелками.

— Танюш! Ты только посмотри на нее!— кричал Григорий.— Геройская мать! В Сибирь за сыном рванула! Декабристка!

И он опять громко захохотал.

Бабушка Пелагея присела на единственный стул и стала смотреть на сына: «Слава тебе господи, веселый какой... Глаза светятся... Только похудел с лица». Потом она заметила, что комната довольно большая. Диван-кровать, письменный стол, заваленный бумагами... На потолке лампочка без абажура. Дверь во вторую маленькую комнату открыта, и видно, что, кроме кровати и двух стульев, мебели там нет. «Небогато живут»,— вздохнула бабушка Пелагея. Но сыном осталась довольна. Не этого она ждала, не к тому готовилась.

— Пожалуйста,— позвала Таня, и все пошли на кухню.

Бабушка Пелагея села за маленький кухонный стол и присмотрелась: «Разве ж это хозяйка? Кастрюля-то всего одна — нечищенная. Сковородка — тоже одна... Шкафчика-то никакого нет! Варенье, соленья куда ставить? Наталья — вот та хозяйка была!»

— Яичницу будете?— предложила Таня.

Бабушка Пелагея отказалась, подумала: «Это кто ж мужика яичницей кормит посеред дня? А суп где?»

— А это будете?— Таня предложила отведать фаршированного перца из консервной банки. Пришлось согласиться. Как-никак проголодалась. Разжевывая свой консервированный обед, она наблюдала за сыном, который с аппетитом уплетал яичницу: «Голодный Григорий. Грех-то какой! Не кормит она его. Отощал...»

А когда на столе появилась банка с болгарским конфитюром, бабушка Пелагея, осторожно отхлебывая из блюдечка чай, спросила не то Таню, не то Григория:

— Варенье-то не варите?

Ответил Григорий:

— А зачем его варить, мать? В магазине вон сколько продается.

— Ну-ну,— сказала бабушка Пелагея и вздохнула уже определенно в сторону Тани:— Гриша-то вишневое очень любил. Без косточек.

Григорий вдруг захохотал.

— Ты чего?— удивилась бабушка Пелагея.

— Представил Танюшу рядом с горой вишневых косточек, которые она из вишни три часа выковыривала.

— Ну-ну,— примирительно сказала бабушка Пелагея.

Таня молчала.

На следующее утро ни свет ни заря бабушка Пелагея принялась мыть кухню. Потом познакомилась с женщиной из соседней квартиры, сходил в универмаг, который оказался недалеко, и приобрела большую никелированную кастрюлю. В этом же универмаге был приобретен кухонный шкафчик за двадцать пять рублей. Добрые люди помогли дотащить. Когда молодые пришли с работы, узнать кухню было невозможно. А новая кастрюля и начищенная сковородка блестели, как клинки, готовые к бою.

— Ну, мать...— Григорий только развел руками.

Таня ничего не сказала.

Взяв немудреное хозяйство в свои руки, бабушка Пелагея как будто помолодела. Откуда только силы взялись? И обед приготовить, и в доме убраться, и в лесу погулять... И была новой жизнью очень довольна.

А молодые жили в неведомом ей мире, в каком-то радостном возбуждении, разгадывая неведомые ей тайны и друг другу что-то доказывая в ожесточенных спорах. Поначалу эти бурные споры ее пугали — не ссорятся ли? Но со временем она поняла, что им весело и хорошо так спорить, а к диковинным словам про «атомы» и «молекулы» постепенно начала привыкать.

— Ну вот и слава богу,— сказала бабушка Пелагея,— через два дни у Гриши день рождения. Пироги-то какие печь будем?

— Может, лучше большой торт купим?— робко предложила Таня.

— С грибами Григорий больно любил.

— А теперь он их терпеть не может,— неожиданно вспыхнула Таня и вышла из кухни.

Бабушка Пелагея решила печь с капустой.

Когда же все приготовления были закончены, а пироги с капустой благоухали в центре праздничного стола, она тихо спросила:

— Татьян, а Татьян! Образа-то сымать?

— Это зачем? — удивилась Таня.

— Как зачем? Они ж партийные придут — неверующие...

— Ну и что? — заулыбалась Таня. — Это живопись XIX века. А вон та маленькая, по-моему, конец XVIII. Надо у Валерия будет спросить. Он разбирается. Очень мне эта маленькая нравится.

— Ну-ну! — удивилась бабушка Пелагея и заковыляла на кухню за посудой.

— Татьян! А, Татьян! Я тута убираласи. Ты в чем зимой-то ходить будешь?

— Я куплю, — сказала Таня.

— Получку-то вы всю тратите, — вздохнула бабушка Пелагея. — Вона Григорий в Москву сколько отсылает... Ты хоть от своей откладывай. Получишь — и отложи. Зима на носу.

— Я отложу, Пелагея Васильевна, — пообещала Таня.

— Права мать, — всполошился Григорий. — Еще простудишься!

— Сибирь все-таки... — начала было бабушка Пелагея, но тут раздался звонок в дверь, и она поспешила открывать — пришли наконец.

Уж как она ему обрадовалась — бородатому, длинноволосому, похожему на священника своему московскому знакомому. А он каким шутником был, таким и остался.

— О вас, матушка Пелагея Васильевна, в Академгородке слава гремит. Щи, говорят, варите такие, что докторскую защитит ничего не стоит. Повезло Григорию с мамашей. — И засмеялся, зашевелив бородой.

— Давайте сначала за Пелагею Васильевну, — поднимая свою рюмку, предложила жена Валерия Лена, которая сразу бабушке Пелагее очень приглянулась. Такая аккуратненькая. Светлые волосы подобраны на затылке в тугой узел. Белый кружевной воротничок выпущен, как у школьницы. Говорит вроде бы серьезно, а в глазах добрые такие смешинки прыгают.

Все стали чокаться с бабушкой Пелагеей. Она только успевала приговаривать: «Дай бог здоровьчика, дай бог здоровьчика!»

От таких дорогих гостей да от такого почтения бабушка Пелагея расцвела душой.

Гости ушли засветло. Она мыла на кухне посуду и думала: «Хороший вышел праздник, веселый. Пироги хвалили. А из Москвы от Вадика — ничего, ни письма, ни даже картинки поздравительной. А Гриша ожидает. Ох, как ожидает... Может, все-таки поздравит отца-то? Может, завтра письмо придет?»

И оно пришло — это письмо. «Ты нас бросил, — писал мальчик, — и уехал с любовницей. Я от тебя после этого отказываюсь. Ты мне больше не отец».

Письмо, написанное крупным детским почерком, лежало на письменном столе, а Григорий сидел перед ним неподвижно, закрыв глаза и сжав голову обеими руками. Очнувшись, наконец пробормотал:

— Это не он... Она научила. Стерва! — гаркнул он вдруг. — Стерва!

— Наталью не ругай, — спокойно сказала бабушка Пелагея, — ты у мене спроси, как сына без отца растить... Тогда война была, а сейчас совсем другое дело. Ребенку отца надобно и семью.

Ужинали в полном молчании. Таня почти ничего не ела. Григорий велел матери налить ему водки.

— Тебе нельзя, — сказала Таня.

— Не твоё дело! — заорал он, да так, что бабушка Пелагея испугалась.

Таня выскочила из-за стола и ушла в комнату.

А ночью бабушку Пелагею одолела бессонница. Она лежала на своей жесткой диван-кровати и слушала ночные звуки. Вот стукнула форточка — холоднее, ветренее становилась погода. Вот зашумела вода в батарее отопления. Забулькала и смолкла. Вот донеслись торопливые шаги запоздалого прохожего. Вдруг к этим редким ночным звукам стал примешиваться еще один. И хотя дверь в соседнюю комнату была плотно закрыта, бабушка Пелагея поняла: Татьяна плачет. Горько так, в подушку. Потом услышала приглушенный голос сына. Слов не разобрать, но было ясно, что шел между ними спор. Только спор совсем другой — не тот, что про атомы... До нее донеслись отдельные слова Григория: «...ради Вадьки... не понимаешь... не могу... нужен... прости...» И она поняла, о чем этот спор.

На следующее утро бабушка Пелагея с превеликим трудом поднялась с постели, проковыляла на кухню. «Татьяна-то завтрак и не готовила вовсе. Так ушли. Не емши, не пимши...»

Она подмела пол на кухне. И вдруг замерла как вкопанная. Бросилась в комнату и широко распахнула дверцы шкафа. Так и есть! Она оглядывала комнату, шаря глазами по углам, по стенам, по полу, даже под стул заглянула... Хотела обнаружить хоть какую-нибудь Татьянину вещичку, ну хоть что-нибудь. Но ничего не нашла... Обессиленная, опустилась на диван и так просидела до самого прихода Григория. Он рано пришел с работы. Бабушка Пелагея поднялась и пошла на кухню разогревать вчерашние щи. Они стали обедать, не глядя в глаза друг другу. А потом Григорий сел за свои бумаги и так просидел за письменным столом до глубокой ночи. Тихо стало в доме.

Как это она его не заметила? Он висел в ванной комнате на гвоздике, в самом углу — танин халатик, синий в мелкий белый горошек. А на нем махровое полотенце — на том же гвоздике. И вот, выходя из ванной комнаты и держа в руках этот халатик, она

столкнулась с сыном, смутилась и забормотала что-то невразумительно. А Григорий бережно взял халатик из ее рук, развернул, расправил и, сняв с гвоздика махровое полотенце, опять повесил на прежнее место.

Пути господни неисповедимы. Бабушка Пелагея неожиданно попала в кукольный театр. Позвонил Валерий:

— Матушка Пелагея Васильевна, выручайте. Из города к нам кукольный театр приехал. Лена простудилась. У меня работа. Лешка уже два часа хнычет. Сделайте милость! Билеты пропадают.

— С дорогой душой, — сказала бабушка Пелагея. — Вы мальчика к универмагу подбросьте.

У входа во Дворец культуры висела большая афиша. Она сразу насторожила бабушку Пелагею. Сидит бог на облаке. Почти голый. С Адамом и Евой разговаривает. И вид у всех преглупый. А когда представление началось, так бабушка Пелагея и не знала, куда деться от стыда. И всякий раз, когда зрительный зал взрывался смехом или аплодисментами, она сердилась. Еле-еле конца дождалась. Из-за ребенка высидела. Но Дворец культуры поразил бабушку Пелагею. Это же надо — такая красота! Простор-то какой!

— Вот спасибо! Вот спасибо вам, матушка Пелагея Васильевна! — шумно встретил их Валерий.

Лена уже встала с постели и бегала по квартире с марлевой повязкой на лице. «Чтобы никого не заразить и иметь полное право на свободное чихание». Чихала Лена очень часто и очень смешно, каждый раз приговаривая: «Надо же, что такое творится».

— По случаю того, что вы, голубушка Пелагея Васильевна, доставили нашего парня в целости и сохранности, — торжественно провозгласил Валерий, — сейчас будем пить чай с тортом и спиртными напитками.

Бабушка Пелагея с удовольствием осталась пить чай. Были ей по душе эти люди. Хоть и не прибрано кругом, книги да бумаги разбросаны, а все-таки хорошо, уютно в их доме — отраднo на душе.

— Вам, матушка Пелагея Васильевна, наша Сибирь нравится?

— Да как же не нравится? — оживилась бабушка Пелагея. — Красота кругом. А народ какой хороший да веселый. Ну прямо как у нас в деревне.

— Сибирь, матушка Пелагея Васильевна, — это великое дело, — посерьезнел Валерий. — Сибирь вы еще не видели. Сибирь — это большие стройки, молодые города, комбинаты, железо, нефть, алмазы... И своя духовная жизнь...

— Очень он у меня любит о Сибири лекции читать, — засмеялась Лена. — Алешка, ты опять руками?

— И вы, Пелагея Васильевна, справедливо заметили, — продолжал Валерий. — Сибирь — это еще и люди. Сибирь пополняется замечательными людьми.

— Еще в 1913 году,— подхватила Лена,— великий путешественник Нансен писал: «Как утешительно было воочию убедиться, что на земле еще много места, где могут возникнуть миллионы счастливых семейных очагов».

Тут бабушка Пелагея сразу вспомнила о своем непутевом сыне.

— Загостились я у вас. Гриша-то у мене там один осталси.

— А Таня где? — удивилась Лена.

— Татьяна в Москву уехала по важным делам,— пробормотала бабушка Пелагея и засуетилась...

Подавая ей пальто, Валерий тихо спросил:

— Что стряслось-то?

Во второй раз бабушка Пелагея врать не стала. Только вздохнула горько. И Валерий пошел ее провожать.

Вечер выдался холодный, ветреный. Осень шелестела последними листочками. Близилась лютая сибирская зима. Вечерами Академгородок освещался неярко. В своем тяжелом плюсовом полушубке, повязанная по-крестьянски черным платком, бабушка Пелагея шла медленно, с трудом различая перед собой дорогу. Валерий осторожно поддерживал ее за локоть.

— Что с Григорием?

— Может, еще в семью вернется,— вздохнула бабушка Пелагея.

— В какую семью?

— Ну как же... В Москве у него квартира большая, жена, сын все-таки...

— Сын — это правда. А семьи не было никогда. Таня — первая его семья. Вы же с ними жили в Москве какое-то время?

— Жила, как же...

— Ну и какое у вас от той его жизни впечатление?

— Да вроде все хорошо было...— И неожиданно вспомнила: — Только тихо.

— Тихо? — переспросил Валерий.

— Тихо. Григорий-то молчал. Бывало, с работы придет — и молчит. Наталья-то все больше по хозяйству — ей разговоры разговаривать некогда. Спросит чего — он скажет. И обратно молчком молчат...

Некоторое время так и шли, и каждый думал о своем. Потом Валерий сказал:

— Значит, купила зверей и уехала.

— Каких зверей? — удивилась бабушка Пелагея.

— Наш институт обещал Дворцу пионеров организовать живой уголок. Мы над ними два года шефствуем. Ребята уже сами клетки соорудили. Только наш директор никак не мог средств изыскать. А недавно пришла к нам целая делегация, спрашивает: «Когда зверей привезут? Обещали ведь!» Как раз в день зарплаты это было. Таня и говорит: «Пошли, ребята! Будут у вас звери...» И прямо в зоомагазин

вместе с ними. Купила зверей на всю свою зарплату. Особенно, говорят, морские свинки хороши.

— Это вместо сапожек-то на меху,— ахнула бабушка Пелагея.

— А физик она сильный. Пожалуй, сильнее нашего Григория... Есть в ней, понимаете ли... этакое вдохновение...

Первый раз в жизни бабушка Пелагея не спала до утра. А наутро стала искать свои черные кожаные полуботинки. На сей раз они оказались под шкафом. Узел получился небольшим и легким — плисовый полушубок предстояло надеть в дорогу, а валенки она решила не брать... Но все равно собиралась долго и тщательно...

— Что еще за новости? — удивился сын, придя с работы.

— Загостились я у тебя, Гришенька. Домой съездить надобно. Уж какой месяц у Зинаиды не была. Да и зима сибирская, лютая на носу. Стара я для такого морозу, руки-ноги ломает. И дом в Москве без присмотра остался... А по весне я обратно к тебе приеду...

— Может быть, останетесь все-таки? — спросил он ее в последний раз уже на вокзале.

— Нельзя, Гриша, — твердо сказала бабушка Пелагея. — Теперича ехать надобно.

— Я, может, сам скоро в Москве буду, — пробормотал Григорий.

На это бабушка Пелагея ничего не сказала. Только забеспокоилась, заторопилась и устремилась к вагону.

А все-таки она была уже москвичкой! Потому что, когда в окнах поезда появились пригороды столицы, на душе стало светлей и радостней. А когда такси мчало ее по московским улицам, они показались до боли родными. Вот и тихий переулочек, вот и домик с палисадником. Как тама Люба? Дома ли? Небось все на своей машинке тук-тук-тук. Вот обрадуется. Ведь и не ждет вовсе...

Соседка не сразу открыла дверь, и особой радости на ее лице бабушка Пелагея не обнаружила. Напротив! Соседка поздоровалась с ней буднично, будто бабушка Пелагея ездила не в Сибирь, а так, вышла неподалеку, например, в булочную.

— Радикулит у меня, — объяснила соседка свое состояние. И медленно пошла к двери, по-стариковски согнувшись и держась обеими руками за поясницу.

— Ох, беда! — всполошилась бабушка Пелагея. — Где же это тебя, Любушка, так прихватило?

— Не знаю. — Соседка продолжала свой нелегкий путь.

— Скипидарчиком надо помазать! Сразу полегчает. — Бабушка Пелагея бросила у двери свои вещи и засемила по коридору за соседкой, желая помочь ей немедленно.

— Каким скипидарчиком? — рассердилась соседка. — Мне индийский яд достали — не помогло. Скипидарчиком...

— Утюжком горячим больное место прогладить, — не унималась бабушка Пелагея.

С порога комнаты соседка метнула на нее гневный взгляд и плотно прикрыла за собой дверь.

Бабушке Пелагее ничего не оставалось, как распаковать вещи и начать уборку на кухне, которая была сильно запущена. К вечеру она все-таки постучала к соседке.

— Ты скажи, Люба, чего тебе принести? Нельзя так! Кушать надобно. Болезнь скорей пройдет.

Соседка вдруг заплакала по-детски, навзрыд.

— Вы уж больше никуда не ездите, бабушка Пелагея. У них и так все есть... Тут живите, со мной...

Бабушка Пелагея уважала разные документы и не любила выбрасывать бумаг. В ее платяном шкафу тщательно хранились старые письма, квартирные счета, старый билет в кино, приглашение на собрание в домоуправление, школьное сочинение внука на тему «Моя любимая бабушка» и многое другое. Была здесь и маленькая записочка с Таниным телефоном, которую когда-то дала ей Наталья.

Бабушка Пелагея звонила до самого позднего вечера, пока не услышала наконец знакомый хриплый голос:

— У телефона.

— Здравствуйте, — сказала бабушка Пелагея. — Татьяну можно?

— Нету ее еще. Не приходила. Кто это?

— Извиняйте за беспокойство, — осмелела вдруг бабушка Пелагея. — А вы-то кто ей будете?

— Я буду ей сосед, — рассвирепел хриплый голос. — Чего изволите передать?

— Скажите, что звонила Пелагея Васильевна.

На следующее утро бабушка Пелагея позвонила опять.

— Она уже ушла, — ответил сосед неожиданно вежливо. — Уроки у нее теперь по утрам. Репетиторствует.

— Будьте добреньки, — воспользовалась бабушка Пелагея его сегодняшним настроением, — адресочек ваш скажите.

Сосед продиктовал ей адрес, объяснил, на чем ехать, и даже извинился:

— Вчера я сказать ей ничего не успел. Лег рано. Болею.

— Не беспокойтесь, — утешила его бабушка Пелагея, — я нынче сама к ней буду.

«Язык до Киева доведет» — на это бабушка Пелагея надеялась, когда отправлялась по Таниному адресу. Да только непростое это дело — в новом районе найти сначала нужный дом, а потом и корпус. Пока искала да спрашивала, совсем выбилась из сил.

Дверь открыл тот самый сосед — пожилой угрюмый мужчина в полосатой пижаме. Было заметно, что сегодня он опять не в духе.

— Здравствуйте! — поклонилась бабушка Пелагея. — Татьяна дома?

Мужчина прокашлялся и, не ответив на приветствие, оглядел бабушку Пелагею с ног до головы так, что она съежилась от недоброго взгляда.

— Тани нет! Хотите — ждите. Вторая дверь налево. Не заперто. — И зашаркал по коридору.

«Болеет, — подумала бабушка Пелагея, — али характер такой обидчивый». Она осталась одна в прихожей и вдруг почувствовала страшную усталость. Заметив табуретку в конце коридора, добралась до нее и села, не раздеваясь. Так и сидела в полутемном коридоре долго, пока не раздался наконец скрежет ключа в замочной скважине.

Таня вошла, зажгла свет и, увидев прямо перед собой бабушку Пелагею, остановилась изумленная.

— Пелагея Васильевна?! Вы?

— Я, Танюша. А кто же еще?

— Да что же вы тут сидите? У меня ведь не заперто.

— Ничего, ничего, не беспокойся. Мене тута хорошо.

Таня помогла ей стащить с плеч плюсовый полушубок, повесила его на общую вешалку и провела в комнату. Бабушка Пелагея с трудом опустилась на диван и, пока ее новая невестка хлопотала по хозяйству, внимательно рассматривала убогую обстановку комнаты. Это, значит, сюда Григорий из хрустального дворца сбежал?

Таня принесла горячий чайник. Сначала пили чай молча. Потом Таня нарушила молчание:

— Значит, приехали?

— Приехала, — ответила бабушка Пелагея. — А ты назад, в Сибирь, когда собираешься?

Таня молча смотрела в тарелку. Не дождавшись ответа, бабушка Пелагея укоризненно заметила:

— Гриша тебя тама ожидает.

Таня продолжала упорно смотреть в тарелку. Беседа не клеилась. И скоро бабушка Пелагея начала собираться.

— Я теперича пойду. У мене дома Люба болеет. А завтра ты когда с работы придешь?

— Как сегодня, — насторожилась Таня.

— Так я у тебе завтра к этому сроку буду. Если пригласишь.

— Конечно, приходите, Пелагея Васильевна.

Назавтра в назначенное время бабушка Пелагея явилась со своим угощением. Они сели за стол, и бабушка Пелагея повела беседу издалека:

— А какой тама воздух свежий, чистый! Со звоном! И лес кругом густой... Птички поют...

— Место хорошее, — согласилась Таня.

— А народ какой! Хороший да веселый. Тебе от Валерия привет и от жены его Елены, товарищей твоих.

— Спасибо, — равнодушно сказала Таня.

Они помолчали. Потом бабушка Пелагея вздохнула:

— Григорий тама один осталс. Не дай господь обратно захворает.

— Зачем же вы его оставили?

— Теперича не я. Ты ему теперича нужна, — сказала бабушка Пелагея.

Таня вдруг вспыхнула:

— У него ведь семья в Москве есть! — И метнула на бабушку Пелагею мстительный взгляд.

— Теперича, Танюша, ты его семья, — сказала бабушка Пелагея ласково.

В следующий раз бабушка Пелагея пришла через два дня.

— Ты еще тута? — спросила она с порога.

— А где же мне быть? — заколебалась Таня.

— Как это где? С родным мужем, в его дому. Где он — тама и ты.

— Вот что, Пелагея Васильевна, — рассердилась Таня. — Вы ставите меня в странное положение. Григорий ни разу не позвонил и не написал.

— А ты сама позвони. Отругай как следует. Так, мол, и так... Зачем безобразничаешь?

Таня отвернулась, скрывая душившие ее слезы. И тут бабушка Пелагея решила взять грех на душу:

— Ты вот сердчаешь — письма не написал... А он мене давеча тридцать рублей денег прислал. Пишет, купите, мама, ей билет и пуцай ко мне едет.

Таня быстро повернула к ней взволнованное лицо с покрасневшими глазами:

— Когда прислал?

— Когда-когда... Давеча прислал...

— Да? — по-детски беспомощно спросила Таня.

— Собирайси, собирайси. Да все теплые вещи положь, не позабуди! Пальто у тебе, слава богу, есть. И шапка мохнатая. А валенки я тебе тама оставила...

— Да-да, — пробормотала Таня растерянно.

Соседка пела:

«Хоть поверьте, хоть проверьте, но вчера приснилось мне,

Будто принц за мной примчался на серебряном коне...»

Бабушка Пелагея услышала песню еще с лестницы. Она осторожно вошла в квартиру и прислушалась. Убедившись, что песня веселая, смело постучала к соседке.

— Ну вот и слава богу. Не слушаешь ты мене, Люба! А если бы давеча скипидарчиком помазала, давно бы такая веселая была.

— В следующий раз помажу обязательно, — пообещала соседка. — Куда это вы по вечерам ходите?

— Гуляю, — уклончиво ответила бабушка Пелагея. — Люба, тута одно... Ты уж извиняй мене старуху...

— Просите чего хотите. Я сегодня добрая!

— Давеча ты в цирк мене посылала... Так у тебе на работе такие билеты имеются?

— А как же!

— Два билетика принеси мне на воскресенье.

— С кем же это вы собираетесь? — заревновала соседка.

— С внуком. С Вадиком собираюсь, — успокоила ее бабушка Пелагея.

На следующий день, едва только соседка вошла в квартиру, бабушка Пелагея кинулась ей навстречу.

— Да не нервничайте вы так! Вот поем только и пойду.

— Ты супчика мово быстро поешь, Люба. Чем готовить-то...

— Можно и супчика, — согласилась соседка.

Номер телефона бабушка Пелагея набирала несколько раз — никак не могла решиться. Но все-таки преодолела свою робость. К телефону подошел внук.

— Здравствуй, внучек, — обрадовалась бабушка Пелагея. — Что же ты, моя ягодка, позабыл мене, старуху? Что же ты, Вадинька, не позвонишь бабушке, не спросишь, как она, жива-здорова ли, помирать не собирается?

— Уроков очень много, — смутился Вадик.

— Уроков теперича ой как много ребятам задают, ой много! — посочувствовала бабушка Пелагея.

— И еще музыка, — вздохнул мальчик.

— Ученье — хорошо. Ну да отдыхать тоже надобно. Ты как, цирк уважаешь?

— Цирк?! — оживился Вадик.

— Мене тута билеты обещали принесть. Так я одна боюсь. Тама, говорят, зверей страшных кажут — тигров.

— Что ты, бабушка! Не бойся! Если, например, тигры или львы, то там такие большие-пребольшие сетки ставят, как заборы.

— Может, вместе пойдём? Ты мене тама на месте все и растолкуешь.

— А когда? — обрадовался мальчик.

— В нонешнее воскресенье. Мама-то дома? Ты пойдй спреси.

Внук отошел от телефона, а бабушка Пелагея стала ждать в мучительном нетерпении.

— Можно, — ответил наконец Вадик.

Она обрадовалась:

— Стало быть, ты, моя ягодка, ожидай мене в воскресенье утречком. Я за тобой забегу. А маме от мене привет передавай.

— Ладно, — радостно сказал мальчик. — Я буду тебя ждать.

«Беда к беде, — подумала бабушка Пелагея, — а счастье к счастью». И стала заказывать Новосибирск — Академгородок.

Два часа просидела у телефона, пока не раздалась наконец долгожданная звонки междугородной.

— Гриша! — закричала бабушка Пелагея, словно старалась голосом преодолеть расстояние Москва — Новосибирск. — Ты мене слышишь, сынок? Татьяна твоя к тебе послезавтрева выезжает! Ты ее встретить как следует! С цветочками! С цветочками! А от сына своо Вадика ожидай хорошего письма! Ожидай и не сомневайся! Непременно будет тебе такое письмо...

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Старый мостик, с которого Вовка удил рыбу, был дырявый и ветхий. Человек, ступивший на него ногой, чувствовал себя, как канатоходец на проволоке. Колхоз давно уже построил новый мост в другом месте реки, и никто, кроме Вовки, по старому мостику уже давно не ходил. В этом месте с одной стороны был обрыв, а с другой — песчаная отмель, куда колхозный пастух гонял стадо на водопой. Со стороны обрыва купаться было неудобно, а песчаную отмель стадо превращало в сплошные коровьи лепешки. Поэтому дачники около старого мостика не купались, и никто не мешал Вовке спокойно удить рыбу. Он сидел, свесив босые ноги, внимательно следил за поплавком и тихо пел. Вовка знал много песен: песни, которые пел его отец по пьянке и мать, когда хлопотала по хозяйству. Помнил почти весь репертуар колхозного хора. Знал песни, которые пели в деревне на свадьбах и разных праздниках.

Вовка очень любил петь и на этом деле однажды даже пострадал. Он полез в колхозный сад за яблоками, набил полный портфель и собрался было восвояси, как, сам того не заметив, почему-то запел: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Вот тут колхозный сторож дед Фомич и обратил на него внимание. Вовка, конечно, вырвался и побежал. А дед Фомич побежал за ним и на бегу позорил Вовку на всю деревню, называя по-всякому... Так они добежали до сельмага. Вовка побежал дальше, а дед Фомич остановился — наверное, устал. У сельмага был народ, и дед Фомич сначала кричал: «Держите его!», а потом стал всем рассказывать, как Вовка среди бела дня воровал государственные яблоки и при этом пел песню «Соловьи, соловьи...». С тех пор прозвище Соловей-разбойник привязалось к Вовке, и он ничего с этим уже не мог поделать. Даже взрослые звали его не иначе, как Соловей-разбойник, как будто бы дед Фомич отобрал у него прежде имя — Вовка. А мальчишки просто не давали прохода: «Спой песенку, Соловей-разбойник, а ну свистни, Соловей-разбойник!...»

Вдруг Вовка почувствовал, что мостик под ним заходил ходуном. Он перестал петь и увидел, что по мостику, осторожно балансируя на выгнутых досках и перепрыгивая через щели, продвигается мальчишка с удочкой, на вид Вовкин ровесник, выбирает место неподалеку от Вовки, усаживается, свешивая ноги в сандалиях, и начинает нанизывать червяка. Пока Вовка разглядывал незваного гостя, рыба клонула впервые за все утро. Но он не успел вовремя дернуть удочку — отвлекся. И рыба ушла.

Соловей-разбойник разозлился не на шутку. И откуда только этот тип взялся? Дачник — и ловил бы рыбу, где все дачники ловят — около нового моста...

Вовка снова закинул удочку. А дачник стал болтать ногами в сандалиях, и от этого ветхий мостик начал вздрагивать, и Вовка вместе с мостиком, и удочка в Вовкиной руке.

Соловей-разбойник разозлился пуще прежнего. Он отложил удочку и вскочил:

— А ну, давай отсюда, понял?

Дачник тоже отложил удочку и тоже вскочил:

— Это почему?

— А потому, что это место мое,— злился Вовка.

— А ты его купил? — парировал дачник.

— Я тя щас набыю,— сказал Вовка.

— Попробуй,— разозлился, в свою очередь, дачник и попытался к перилам, по-видимому, желая занять удобную позицию.

Вовка не успел его предупредить, что в этом месте перила как раз сломаны, и дачник полетел в воду.

— Здесь яма! — крикнул сверху вниз Вовка. — Ты плыви налево — там через четыре шага мель!

Но дачник бил по воде руками и ногами, глотая воду, фыркал и не сдвигался с места.

Тогда Вовка подал ему сверху конец удочки. Утопающий ухватился за него, и Вовка сделал несколько шагов по мостику, волоча за собой по воде утопающего, как баржу. Таким образом он вывел его на мель.

Скоро рыболовы сидели на прежнем месте. Дачник снял сандалии и поставил их сушить на солнце.

— Меня зовут Владик,— представился он, стаскивая с себя мокрую майку.

— Ездят тут всякие! — ответил Вовка, закидывая удочку.

Владик повесил майку сушить на перила и опять нарушил молчание:

— Не надоело тебе тут целое утро сидеть?

Вовка ничего не ответил.

— Рыбы в речке мало,— продолжал дачник,— я вчера у нового моста две рыбешки поймал. Кошке отдал.

— Ко-о-шке! — презрительно передразнил его Вовка.

— А чего? На уху все равно не хватит.

— На уху-у! — с еще большим презрением передразнил его Вовка.

— А сам-то ты для чего ловишь? — заинтересовался Владик.

Вовка опять промолчал: навязался этот тип, да еще с вопросами...

— Сам для кошки и ловишь, — заявил дачник.

Тогда Вовка опять разозлился:

— Я для дела ловлю!

— Для какого такого дела? — не унимался дачник.

— Дачникам продаю и рыболовам, вроде тебя. Вон их сколько там, у моста.

— А деньги на мороженое?

— Мо-о-роженое, — опять передразнил его Вовка. — Я их на велосипед второй год коплю.

— А-а, — сказал Владик с уважением, и некоторое время они молчали.

Потом дачник возобновил беседу:

— Грибов тут тоже мало.

— Как это грибов мало? — удивился Вовка.

— Мы с бабушкой вчера только три гриба нашли.

— А я целое ведро!

— Грибы ты тоже для дела собираешь?

— А то как же!

— На велосипед?

— Ага. И малину тоже, и орехи, и ежевику...

— Ну, я пошел, — сказал дачник. — До свидания.

Вовка ничего не ответил: навязался этот тип, да еще с вопросами...

На следующий день к вечеру Соловей-разбойник гнал из стада корову. Корова у него бежала рысью, потеряв при этом всю свою коровью степенность. Вовка несся следом и время от времени подбадривал ее хворостиной, чтобы скотина не сбавляла скорости. При этом он пел песню про тачанку, и корова, таким образом, была вынуждена изображать из себя боевого коня.

— Тпру, — сказал он, наконец устав от быстрого бега. Корова пробежала еще немного вперед и остановилась. Они как раз приближались к песчаной отмели, и корова по привычке потянулась к воде.

На старом мостике сидел с удочкой знакомый дачник.

— Здравствуй! — вежливо поприветствовал он Вовку. — Ты вчера много наловил, как я ушел?

— Восемь штук, — соврал Вовка.

— А у меня что-то не ловится, — пожаловался дачник. — Не умею я, что ли?

— А чего ты умеешь? — поставил Вовка вопрос ребром и сам на него ответил: — Ничего ты не умеешь. Плавать — и то не умеешь.

В этот момент корова подняла морду от воды и промычала, как будто бы подтверждая Вовкины слова.

Дачник обиделся.

— Я много чего умею, — сказал он.

— Ездят тут всякие! — буркнул Вовка и стеганул корову. — Ну-у!

Пошла!

— Я на рояле играть умею, — крикнул вслед дачник.

Вовка остановился, внимательно оглядел дачника с ног до головы и твердо сказал:

— Врешь.

— А вот и не вру! — рассердился дачник.

— Врешь, — настаивал Вовка на своем.

— Спорим, — заорал дачник.

— Спорим, — согласился Вовка.

— У тебя рояль есть? — спросил дачник.

В избе рояль? Приемники иногда стояли. У соседки, например, тети Нюры. Вовка у нее несколько раз просил песни послушать. Да она электричество жалела.

— У меня нет, — сказал Вовка. — Я знаю, где есть. В клубе.

— Пойдем! — потребовал дачник.

— Пойдем, — согласился Вовка.

Дачник в одну секунду смотал удочку, и они пошли в гору. Соловей-разбойник с коровой впереди, дачник чуть поодаль.

— Она не бодучая, — сказал Вовка, заметив, что дачник сторонится его коровы.

— А я и не боюсь! Подумаешь! — услышал он ответ, и всю остальную дорогу они молчали.

Вовка шел и думал о Константине Петровиче.

Такой хороший человек. Хором руководил и на рояле играл. По вечерам он ходил по дворам, останавливался у калиток и кричал: «На репетицию! На репетицию!» Слово это, — репетиция, — как песня. Очень интересное слово... И на репетиции эти Вовка иногда приходил — Константин Петрович разрешал. И сидел в углу тихоти. Слушал. Хор хорошо пел. Но петь-то он сам мог. А вот доставать из деревянного ящика такие звуки и складывать их в песню! Необыкновенный человек Константин Петрович! И на следующий год обещал Вовку в хор записать, если Вовка подрастет и в школе у него будет все в порядке. И Вовка старался расти, и в школе из-за этого тоже старался, и ждал следующего года... И все было бы очень хорошо, если бы Константин Петрович тогда со стула не свалился... Он, конечно, раньше тоже приходил иногда на репетиции выпивши. И Вовка за него всякий раз очень переживал. Особенно когда Константин Петрович начинал не ту музыку играть. Хор в таких случаях останавливался и ждал, когда Константин Петрович начнет правильную музыку играть. И тот обязательно в конце концов

начинал опять правильную музыку играть, хоть и был выпивши. А в этот раз, как только началась репетиция, Вовка сразу понял, что Константин Петрович особенно выпивши, потому что тот почти сразу начал не ту музыку играть и сам стал петь что-то тоже не то... И еще сразу было видно, что Константин Петрович очень хочет спать: глаза то откроет, то закроет... Хор, конечно, сразу остановился и стал ждать... И надо же было председателю на эту репетицию прийти! Председатель этот, когда не надо, всегда тут как тут. Правильно его колхозники прозвали «Тут как тут». Сын тети Нюры, например, первый раз в жизни тогда в поле подрался, а председатель тут как тут. Прошлой зимой, когда Вовка подговорил ребят вместо географии кататься с горы на корыте, — председатель под горой как из-под земли вырос. Когда Вовка бежал по деревне от деда Фомича, председатель тоже встретился ему по дороге. Вот и на этот раз... Вроде на репетиции председатель раньше даже не заходил. И на тебе! Тут как тут. Когда председатель вошел, солист Василий Мулькин как запоет: «Много песен слышал я в родной стороне...» И хор за ним: «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет!» Хороший человек Мулькин — хотел, наверное, Константина Петровича выручить... Может быть, все бы и обошлось и председатель ничего бы такого не заметил... Да только Константин Петрович совсем почему-то перестал играть и вбок наклонился. Председатель стоял и так серьезно-серьезно смотрел то на хор, то на Константина Петровича, то на Константина Петровича, то на хор. Вовка от страха прямо весь дрожал... А Константин Петрович не обращал на председателя прямо никакого внимания и все вбок клонился... А хор все пел: «Подернем, подернем, да ухнем!» Только теперь уже не весь хор, а так, кое-кто... И вдруг Константин Петрович со стула как свалится да захрапит сразу прямо на полу. Хор тогда перестал петь. А председатель сразу ушел ни слова не говоря и дверь хлопнул. А на следующий день закрыл клуб «на ремонт».

Они уже поднялись в гору и вошли в деревню. Вовка попросил дачника подождать:

— Я быстро. Только корову загоню.

И скоро вернулся.

На дверях большой избы, которая называлась колхозным клубом, было написано мелом: ремонт. Вовка обогнул избу и повел дачника к боковому окну, которое было прикрыто разросшимися кустами черемухи. Соловей-разбойник хорошо знал, что две доски на этом окне снизу прибиты еле-еле, а стекла в окне нет — колхозные ребяташки выбили его еще в прошлом году. Когда Вовка стал отдиравать эти доски, дачник испугался:

— А если увидят?

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, — высмеял его Вовка.

Тогда дачник стал ему помогать. Они без особого труда отодрали снизу две плохо прибитые доски и отодвинули их так, чтобы можно

было пролезть внутрь. Сначала пролез дачник вместе с удочкой, потом Вовка. Он задвинул за собой доски так, чтобы снаружи ничего не было заметно.

В клубе был полумрак, но Вовка сразу заметил пустые огромные бидоны из-под молока, грабли, хомуты... И на душе у него стало как-то тоскливо.

— Это не рояль, — сказал дачник, — а пианино. — Открыл крышку и заиграл. Он заиграл что-то быстрое и непривычное для Вовкиного слуха, а его пальцы забегали по клавишам, пожалуй, еще скорее, чем у Константина Петровича. Вовка обалдел. Ничего подобного в своей жизни он еще не встречал: обыкновенный с виду мальчишка... и подумать только...

Дачник перестал играть, победно посмотрел на Вовку и сказал:

— Левая педаль не работает.

— Педаль? — удивился Соловей-разбойник. — На велосипеде тоже педали... — И робко спросил:

— А ты песню умеешь?

— Какую?

— Про Стеньку Разина, например.

— Я подберу. Ты напой.

— Сейчас, — обрадовался Вовка и тихо начал: — «Из-за острова на стрежень...»

Соловей-разбойник стоял на том месте, где обычно репетировал колхозный хор, и с большим увлечением пел песню про удалого атамана. В том месте, где Стенька Разин бросает за борт ни в чем не повинную княжну, Вовка так расчувствовался, что у него даже захватило дыхание.

— Давай какую-нибудь другую, — предложил Владик.

— А ты про камыш знаешь? — вспомнил Вовка любимую песню своего отца.

— Про какой камыш? Напой. Я подберу.

— «Шумел камыш, деревья гнулись», — с большим чувством запел Вовка знакомую с детства песню. И даже поднял вверх левую руку — точь-в-точь как это делал солист колхозного хора Василий Мулькин.

— Ты очень хорошо поешь, — сказал Владик. — Но мне надо идти, а то бабушка волнуется.

Они вылезли наружу, задвинули доски так, чтобы ничего не было заметно, и Вовка пошел провожать Владика до реки.

— Приходи завтра на репетицию. А? — попросил по дороге Соловей-разбойник.

— Я завтра не смогу, — сказал Владик. — Завтра папа, наверное, приедет. Целый месяц уже не приезжал: чтобы не травмировать.

Заметив недоумение на Вовкином лице, Владик пояснил:

— Ну, это так бабушка говорит: что он маму травмирует, когда приезжает, потому что, когда он приезжает, она не приезжает...

Вовка удивился еще больше.

— Ну, они разводятся, — разъяснил наконец Владик суть дела.

— Это чего? — заинтересовался Вовка.

— Ну, это когда не сошлись характерами и все делят пополам, — просветил его Владик.

Вовка подумал, что его родители, наверное, тоже не сошлись характерами, потому что мать часто называла папку чертом окаянным, а когда тот приходил выпивши, она еще и не так его называла... Но чтобы все пополам... Такого не было... Интересно, как это пополам? Полпечки — мне? Полпечки — тебе? А как же картошку печь? На своей половине?

Такая ситуация показалась Вовке даже смешной, и он захихикал.

— Вот ты смеешься, — обиделся Владик, — а мама в прошлое воскресенье, когда приезжала, даже плакала: «Не перенесу я этого, не допущу, чтобы квартиру делить. Лучше пусть рояль продам — он мой. И пусть строит на эти деньги однокомнатную...»

Вовка насторожился.

— А как же ты без рояля?

— А я музыкальную школу все равно бросил — не успеваю.

Они дошли уже до самого мостика, и Владик ступил на него ногой.

— Осторожно иди. За перила не держись, — напутствовал его Вовка и остался дожидаться, пока Владик перейдет на другой берег.

— Владя! А послезавтра на репетицию придешь? — крикнул он, когда Владик был уже на той стороне.

— Послезавтра смогу! — прокричал дачник в ответ.

— Так я тебя у клуба буду ждать, как корову загоню, — обрадовался Вовка. — Ты не забудь только!

Через день к вечеру Вовка, как только загнал корову, скорей побежал к клубу и стал ждать. Владик не забыл — пришел. И репетиция состоялась.

Внешне Вовка жил, как и раньше: ловил по утрам рыбу «для дела», ходил в лес за грибами тоже «для дела», собирал орехи и продавал их по стакану на станции... Каждый вечер гнал из стада корову... По-прежнему деревенские ребятишки дразнили его Соловьем-разбойником, но только теперь на это Вовка не обращал никакого внимания. Да и что с них возьмешь? Откуда им было знать, что новый Вовкин приятель, который всюду ходит вместе с Вовкой: и в лес, и за коровой, и на речку, — откуда им знать, что этот обыкновенный с виду мальчик умеет играть на пианино и они с Вовкой каждый день репетируют?

Но репетиции пришлось все-таки прервать. Случилось это, когда Вовка пел: «В глубокой теснине Дарьяла». Эту веселую песню подвыпившие гости часто певали у него дома — чуть праздник или какая-нибудь вечеринка. Слова песни были знакомы Вовке с детства, но не совсем ясны. «Кто такой евнух?» — спросил он однажды

у матери. «Отстань», — сказала она. Владу текст песни тоже был не совсем ясен, да и сама песня была для него новой. Но они все равно репетировали.

Вдруг послышался лязг ключа в замке, дверь со скрипом отворилась, и на пороге вырос сам председатель.

— Вы как сюда попали?

Вовка испугался.

— Я спрашиваю, как вы сюда попали? — гремел председатель. — Через трубу, что ли?

— Мы репетируем, — пробормотал Вовка.

— Я тебе покажу репетицию, Соловей-разбойник! Марш отсюда!

На следующий день Вовка все-таки прибежал посмотреть, обнаружил ли председатель лазейку. Но теперь окна клуба были забиты так прочно, что отодрать доски не было никакой возможности.

Они сидели на старом мостике и удили рыбу.

— Знаешь, Вова, — осторожно начал Владик, — я тебе вчера не хотел говорить... Завтра мы уезжаем.

— Ведь лето еще не кончилось! — всполошился Вовка.

— Мне к первому сентября готовиться надо, Вова, — объяснил Владик. — Бабушка уже вещи собирает.

— А то побыл бы еще! А? — совсем расстроился Вовка.

— Ты приезжай ко мне в гости в город, — постарался утешить его друг.

— Меня мамка на электричке одного, наверное, не пустит, — вздохнул Вовка и глубоко задумался.

— А я тебе адрес на всякий случай написал, — сказал Владик. — Вот.

Вовка взял листок бумаги с адресом и стал искать, куда бы его спрятать. Но не нашел, потому что был в одних трусах. Тогда он выбросил из банки всех червяков и положил бумагу в банку.

— Когда завтра? — спросил он Владика, с трудом сдерживая слезы.

— В обед, — тихо ответил дачник.

На следующий день чуть свет Вовка стучался в окно Владиковой дачи. Бабушка высунулась из окна и позвала Вовку в дом.

Но Соловей-разбойник решил ждать на улице — у него был к другу особый разговор.

Вышел заспанный Владик:

— Ты чего?

Вовка протянул ему маленький сверток и попросил:

— Ты отдай, пожалуйста, эти деньги... Ну, те, которые на велосипед... Ты отдай их, пожалуйста, своему папке. Пусть он на них начнет однокомнатную... А я к зиме еще дошлю. Теперь дожди пойдут — самое грибное время. С тетей Нюрой пришло. Она по осени картошку в городе продает. А роля пока при себе держи. Я, может, к тебе на репетицию еще приеду.

ХОДИТ?.. ПУСТЬ ЖЕНИТСЯ

Димка вошел во двор и остановился, вспоминая, пятница сегодня или не пятница.

К нему несся центральный нападающий рыжий Вовка:

— У дворника грипп. Температура 39. Лежит в постели и не встает.

— Здорово, — сказал Димка. — Скорей!

Он закинул портфель на бочки от овощного магазина и побежал с Вовкой созывать ребят.

Через пятнадцать минут вся футбольная команда была в сборе. Димка строго оглядел игроков и сказал:

— Если опять кокнем окно, если, значит, опять кокнем, играть в футбол будет уже негде. Так что поосторожней. Вот.

И начался футбол.

Левый полузащитник был новенький — Сережа с соседнего двора. Он и стал всему виной, потому что послал вдруг мяч в аут прямо в окно второго этажа. Зазвенело стекло, посыпались осколки. Все мальчишки бросились врассыпную. Остался только капитан, потому что на этот раз кокнули его собственное окно.

Молодая женщина в синем тренировочном костюме распахнула разбитое окно и закричала на весь двор:

— Опять футбол? Дмитрий, кто это сделал?

«Главное, чтобы дворнику не пожаловались», — пронеслось в Димкиной голове. И он ответил:

— Я.

— Немедленно марш домой! — крикнула женщина и так сердито захлопнула окно, что разбитое стекло сорвалось и со звоном и треском посыпалось на асфальт.

Димка поплелся за своим портфелем. Когда он подошел к бочкам, из одной высунулась Сережкина голова:

— Ты зачем сказал, что разбил ты?

— Чтобы она дворнику не пожаловалась. Окно-то наше.

— И что тебе теперь будет?

— А сегодня не пятница?

— Четверг, — удивился Сережа.

— Тогда поколотит, — твердо сказал Димка.

— Поколотит? — переспросил Сережа.

— Ну и что такого? Подумаешь...

Сережа вылез из бочки и попросил:

— Я с тобой пойду. А? Меня, наверное, не поколотит. Пойдем. А?

Димка подумал и согласился:

— Тебя не поколотит — ты чужой.

И они пошли.

Димкина мать открыла дверь и закричала прямо с порога:

— Ты что это с охраной явился?

— Это не охрана,— пробормотал Димка.— Это Сережа. Он в соседнем дворе живет.

— Ну и что?

— Я ваше окно разбил,— твердо сказал Сережа.— Нечаянно. Извините, пожалуйста. Здравствуйте!

— Пусть твои родители стекольщика и присылают. У тебя телефон есть?

Сережа назвал номер.

Но Димкина мать звонить почему-то не стала.

— Дмитрий,— сказала она,— пойди к тете Наташе. У нее свекор — стекольщик. Попроси вечером зайти.

— Только, пожалуйста, вы дворнику не говорите,— попросил Сережа.

— Ма, пожалуйста, не говори,— присоединился Димка.

— Не скажу,— сказала Димкина мать.

— Видишь, хорошо, что я с тобой пошел и все уладил,— заважничал Сережа, спускаясь по лестнице.— У тебя мама молодая еще и не злая совсем.

— Это когда как,— задумчиво сказал Димка.

«Когда как»,— думал Димка, возвращаясь на следующий день из школы. На сей раз он твердо знал, что была пятница. Когда как... Сегодня, например, будет доброй. А завтра заорет ни с того ни с сего... А сегодня скажет: «Лапочка, хочешь в кино? Вот тебе рубль. И мороженое купи». Лапочка-тапочка... Что он, девчонка какая-нибудь, что ли? И потом, что за привычку такую взяла — за уши таскать. Он уже не маленький. Вообще-то она не злая. Это точно... Что с ней такое стряслось? Ведь раньше не такая совсем была. И в цирк иногда водила и по воскресеньям с собой на ипподром брала. А там все говорили: «Вон сын Любови Николаевны, вон сын нашей Любови Николаевны! Какой большой стал, как вырос...» И все ребята ему еще как завидовали. Потому что не у всякого такая мать — тренер по конному спорту. Другим к Буревестнику даже близко подходить запрещалось. А когда Димка не послушался и на него залез, мать даже не рассердилась. Просто вернулась на манеж, встала посередине, как всегда, и начала командовать своим звонким голосом: «Шенкель, шенкель! Спину прямой держи, давай рысью...» И Буревестник слушался... А когда Димка самостоятельно сделал пять кругов и остановил лошадь, уборщица тетя Надя сказала: «Храбрый у тебя парень, Любовь Николаевна. Весь в тебя — чемпионом будет». А мать тогда засмеялась: «В меня — это хорошо, тетя Надя. Только бы не в отца». И стала разговаривать с Буревестником. Она так хорошо с лошадьми разговаривает. Так ласково и серьезно. Не то что «лапочка-тапочка». А так — с уважением разговаривает. А тетя Надя стала греметь щеткой и бормотать что-то про то, что все мужчины —

подлецы. Димка очень обиделся на нее тогда. Почему это все мужчины — подлецы? Вот он, например, тоже мужчина, а подлецом быть вовсе даже не собирается. И еще что-то нехорошее тетя Надя бормотала про Димкиного отца. Мать не слышала, потому что уже ушла с манежа, и Димка тогда хотел ей пожаловаться на тетю Надю — зачем она мужчин и отца ругает? Но потом раздумал. Напомнишь ей про отца — у нее настроение испортится... Еще, чего доброго, на Амброзии покатаются не разрешит. И вообще про отца матери лучше не напоминать. Да Димка и не помнил его почти совсем. А все-таки эта тетя Надя — ведьма. Мужчин всех ругает... На себя лучше бы взглянула... Точно... Ведьма и есть.

Уже полтора месяца на ипподроме не был. Как там Амброзия? А Буревестник? В последнюю субботу ведь как человека мать просил. Даже всю посуду перемыл. Не берет она его теперь с собой на работу. Не берет — и все. А кое-кого берет... Сам слышал, как по телефону шептала: «В два тридцать ровно. Приходи к служебному входу...» Ненавидит Димка этого типа, который по пятницам к ним приходит. И откуда он только взялся? И зачем он прячется? Как вор какой-нибудь. Ходит в дом, а от Димки прячется. Что Димка ему такое сделал? Ничего такого он ему не сделал.

Вот сегодня пятница. Димка придет домой, а этот тип уже там — на кухне сидит. И дверь в кухню закрыта. И оттуда идет папиросный дым. Димка войдет в комнату, и на столе его будет уже ждать еда — это для того, чтобы на кухню не входил. Все он понимает — не маленький. А потом мать войдет и ласково так скажет: «Лапочка, хочешь в кино? Вот рубль. И мороженое купи потом». Димка, конечно, хочет в кино. Кто же это в кино не хочет? Да только если он кому мешает, так может уйти без кино. Пожалуйста! А может быть, вообще из дома убежать? И пусть его тогда ищут. Уплыть бы от них на пароходе далеко-далеко... Мать будет, наверное, плакать и винить себя.

Вообще, когда мать плачет, Димке ее очень жалко... Последнее время она очень часто ревет. Прямо как маленькая. Особенно после пятницы — в субботу. Что с ней такое творится? Чувствует Димка, что все из-за этого типа, который по пятницам...

Димка позвонил в дверь. Мать открыла и проводила его в комнату, где на столе уже стояла еда. Дверь на кухню была закрыта, и оттуда шел папиросный дым.

— Ты поешь, лапочка, — сказала мать. — А потом хочешь в кино? Вот рубль. И мороженое купи.

Во дворе Димка сразу же встретил Сережу. Сережа очень обрадовался:

— Ой, хорошо, что ты... Там одно место есть — я нашел — для футбола. Пойдем покажу.

— Пойдем, — заинтересовался Димка.

Сереза привел его на пустырь.

— Здорово,— сказал Димка.— Только кирпичи надо убрать и доски.

— Давай уберем.

Но Димка привык по пятницам ходить в кино.

— Лучше всем вместе убирать. Завтра ребятам скажем. Пойдем в кино?

— А деньги?

— У меня есть. Пойдем.

Но в эту пятницу Димка в кино не попал. Пока они осматривали пустырь, сеанс уже начался.

— Чего будем делать? — задумался Димка.

— Пойдем кирпичи убирать,— предложил Сереза.— Или пингвина посмотреть. Чучело у отца есть.

Они снова пришли на пустырь. И трудились довольно долго. И здорово устали.

— Хватит,— решил Сереза.

— Ты иди...

— А ты?

Лицо у Димки сделалось кислым.

— Я еще погуляю...

— А мать ругаться не будет? Ведь поздно.

— Сегодня не будет,— пробормотал Димка.— Ты иди.

— Чего это с тобой?

— Ничего. Ты иди...

— Нет, правда?

Димку вдруг прорвало:

— Понимаешь, ходит к ней один тип. Я его в лицо не видел — прячется. Понимаешь? Ходит, а она ревет... Понимаешь?

— Понимаю,— спокойно сказал Сереза.— У меня с Татьяной то же самое было.

— С какой Татьяной? — удивился Димка.

— Татьяна — это моя сестра. Она уже в институт поступила. К ней как начал один тип ходить, так она тоже реветь стала и к ней лучше не подходит. Да еще моду взяла — чуть что, меня за уши таскать... Я ей говорю: «Ты лучше эту привычку брось. А то я сам могу кого хочешь за уши надрать — не маленький». А бабушка говорит: «Ты ее не трогай, Серезенька, она нервничает». Я говорю: «Почему это нервничает?» А бабушка: «Ходит? Пусть женится». Тогда Татьяна как занервничает: «Ба, почему ты Владика не любишь? Что он тебе такое сделал?» А бабушка: «Не мне, а тебе. Ходит? Пусть женится». Ну, значит, я потом все устроил...

— Как? — спросил Димка с интересом.

— Очень просто,— важно сказал Сереза.— Они пили на кухне чай, а я вошел, как будто бы мне тоже чай нужно попить. Они:

«Садись, Сережа, пожалуйста, пей». Я, значит, сел и стал пить. Он меня спрашивает: «Как дела в школе? Как твой футбол?» Я говорю: «Дела в школе хорошо идут. И футбол тоже. А если кто к кому ходит, то пусть женится». Татьяна стала почему-то весело смеяться — как будто бы я что-нибудь смешное сказал. А он — нет. Такой серьезный стал. И говорит: «Хочешь, я тебя на мотоцикле завтра покатаю?» Я говорю: «Мне вашего мотоцикла не надо, а если кто ходит, так пусть женится». После того как я ему так намекнул, Татьяна стала на меня смотреть, как ненормальная. Она так на меня всегда смотрела, перед тем как за уши схватить. А я так спокойно сижу и чай пью. Потом спокойно так: «До свидания, спокойной ночи». И пошел к себе. Татьяна вдруг ворвалась и хотела меня за уши опять... Да мама не дала. Теперь Татьяне, наверное, стыдно после того, как я все устроил.

— Все, значит, устроил?

Димка затаил дыхание.

— Ага. На следующий день, значит, я его на улице подкараулил и опять намекнул, что если кто к кому ходит, то пусть женится. И через день, когда он к нам явился, опять... Только чтобы Татьяна не слышала.

— А он?

— Женился,— гордо сказал Сережа.

— И она больше не ревет?

— Не-а.

— Здорово,— сказал Димка.

— Когда отец с плавания пришел, мама с бабушкой ему все рассказали. Он говорит: «Молодец, Сергей. Женщины — они слабый пол. Их в обиду давать нельзя». И зуб кашалота подарил. Вот, смотри! Я его всегда в кармане ношу. Смотри! Настоящий зуб кашалота. У меня отец на китобойной флотилии служит.

— На китобойной флотилии? — с восторгом переспросил Димка.— Я кино видел...

— Знаешь, какой у меня отец? У них один раз вот что было. Граната, ну, которую прямо в кита засаживают, значит, эта граната не взорвалась. Втащили этого кита на флагман... Ну и лежит этот кит... А на китобазе уже объявлена тревога. Ведь граната в ките невзорвавшаяся. Понимаешь? Ее надо из его тела обязательно вырезать. Только это не так-то просто — взял да вырезал. Потянешь сильно, а она бац — и взорвалась. Тогда отец взял и сам первым вылезался. Вырезал эту гранату, так осторожно к борту поднес и выбросил в океан. Вот он какой храбрый... Я тоже китобоем буду... Пойдем домой. Уже поздно.

Некоторое время они шли молча. Потом Сережа сказал:

— Если кто кому зуб кашалота дарит, значит, они становятся друзьями на всю жизнь. Так отец говорил. Такой старый закон есть...

— А у меня мать по конному спорту. Она чемпионкой была...
— По конному спорту? Ого! Здорово! Значит, она у тебя тоже храбрая.

— Ее все лошади слушаются! Даже Буревестник. Очень она у меня храбрая. И веселая была — песни пела...

Некоторое время ребята опять шли молча. Потом Сережа сказал:

— Ты с этим типом поговори.

— Чего мне с ним говорить?

— А ты все равно поговори. Прямо войди и намекни: «Если кто к кому ходит, то пусть женится».

— А потом меня мать колотить будет?

— Слушай, хочешь, я сам с ним поговорю? Я не свой. Меня ведь не поколотит.

— Тебя — нет. Ты чужой.

— Помнишь, когда я окно разбил, она меня даже не ругала.

— Странно это.

— Ничего странного... Ну, ты, во-первых, свой. А потом я все-таки в шестом, а ты в четвертом.

— А-а.

— Ты не переживай. Я с Татьяной как хорошо все уладил. Меня бабушка прямо так и называет: «Спаситель наш». И у тебя все улажу... Хочешь, сегодня поговорю?

— Он, наверное, уже ушел, — заколебался Димка.

— А может, не ушел? Не понимаю я тебя, Дима. Зачем с этим делом тянуть? Правда... Правда, бывают иногда случаи... — Сережа задумался и вдруг остановился.

— Какие случаи? — спросил Димка.

— Ну, бывают иногда разные случаи... Понимаешь, может, им лучше не надо это? Может, пойдем лучше пингвина посмотреть? А?

— Какие случаи? — попытался Димка.

— Ну, когда людям лучше вообще друг на друге не жениться.

— Совсем никогда не жениться? — удивился Димка.

— Нет, не совсем, а друг на друге. Понимаешь, у меня мать с отцом, например... Лучше бы им было не жениться вообще. Понимаешь?

— Понимаю, — нетвердо сказал Димка.

Ребята все стояли на том же месте, и каждый думал о своем. Потом Димка спросил:

— А Татьяна больше не ревет?

— Нет, больше не ревет, — сказал Сережа.

— Пошли! — Димка потянул Сережу за рукав. — Пошли!

Димкина мать открыла дверь и очень удивилась:

— Ты не один?

Из кухни шел папиросный дым. «Тип» еще не ушел.

Она проводила ребят в комнату и торопливо ушла.

Димка вдруг струсил:

— Может, не надо, Сереж?.. А? Может, в другой раз?

— Почему это не надо, раз я уже пришел?

— Так, значит, так все прямо и скажешь?

— Ты за меня не беспокойся. Я знаю, что кому сказать. Куда идти?

— Они на кухне... Подожди! От этого типа всего ждать можно.

Если что — крикни.

— Ладно. Ну, я пошел.

Димка стал ждать. Ему почему-то было страшно. Он не отрывал глаз от двери и изо всех сил боролся с соблазном подслушать, о чем идет речь на кухне.

Сережа вернулся очень быстро. Он встал посредине комнаты и молча уставился на Димку.

— Ну, что? — Димка просто умирал от любопытства. — Намекнул?

Сережа молчал. Вид у него был какой-то странный, как будто бы он что-то потерял и никак не может найти...

— Ну, что? — переспросил Димка. — Ты чего молчишь? — У него было больше никакого терпения. — Ну, что? Сказал?

— Нет, — ответил Сережа.

— Нет? — изумился Димка и разозлился не на шутку. — Побоялся, значит... Трус ты после этого! Вот ты кто!

К великому Димкиному удивлению, Сережа продолжал молчать.

Димка просто вышел из себя:

— Я сам ему это скажу... Вот сейчас пойду и скажу. Я его не боюсь, как некоторые...

— Не ходи, Дим, не ходи, — сказал Сережа. — Пожалуйста, не ходи...

— Почему это «не ходи»? Ты же сам говорил... — Димка просто перестал понимать, что к чему.

Тогда Сережа сказал:

— Это мой отец там...

Ребята стали молча смотреть друг на друга. Потом Димка попросил:

— Убежим, Сереж. Давай убежим! Будем жить в лесу. Или на пароходе уплывем... А? Ну их всех! Убежим!

Сережа отвернулся и кивнул головой.

Они помолчали.

Вдруг Сережа схватил Димку за руку и потащил к двери:

— Пойдем!

— Куда ты? — упирался Димка.

— К ним на кухню. Пойдем!

Они вошли на кухню и остановились на пороге.

— Садись! — приказал Сережа и подтолкнул Димку к свободной табуретке.

— Садитесь, мальчики, — встрепелась Димкина мать и, ропливо пододвинув к Сереже свой стул, сама села на подоконник. Наступила тишина. Такая тишина, что Димке казалось — разожми он челюсти, будет слышно, как от страха у него стучат зубы. Первым нарушил тишину Сережа. Он тихо сказал:

— Если кто к кому ходит, то пусть женится.

В этот момент неожиданно пронзительно засвистел чайник. Димкина мать бросилась к плите, выключила газ, а потом села на край Димкиной табуретки, обняла сына за плечи и прижала к себе. Димка перестал дрожать от страха и принялся внимательно разглядывать мужчину в морской форме, который сидел за столом прямо напротив него. Опять наступила тишина.

— Если кто к кому ходит... — снова начал Сережа.

— А как же мать? — перебил его отец.

Сережа вскочил со своего места и закричал:

— Тогда зачем ходишь?!

И бросился вон из кухни, но тут же вернулся:

— Вот! Возьми! — Он положил на стол зуб кашалота. — Возьми свой подарок! А еще герой! — И входная дверь с грохотом захлопнулась за ним.

На кухне опять наступила ужасная тишина.

И Димкина мать сказала:

— Дмитрий, иди спать. Пора уже. — И поцеловала его в ухо.

И Димка пошел спать.

ВЫСОТА

Вот так всегда... Когда после смены он ждет на троллейбусной остановке, все думает, вспоминает, «анализирует»...

Вот, например, почему, когда его просят о чем-нибудь, он хочет отказать и не может? Не может — и все. Соседи приходят в его маленькую комнату, как на склад. Что кому надо, то и берут. Иногда приносят обратно. А вчера сосед, который ждал знакомую, пришел просить у него торшер. Для уюта. А торшер был особенный, собственной конструкции, ввинчивался в пол. Отвинчивали, отвинчивали — еле отвинтили. На полу дырка осталась. А сколько раз он давал себе слово не одалживать деньги тем, кто не возвращал долги! Его просили, и он не мог отказать. Не мог — и все. Правильно его друг недавно сказал: «Хороший ты парень, добрый. Только вот нет в тебе, понимаешь, силы». Чего нет — того нет. Когда она бросила его

и вышла замуж за этого, ну, за этого, за долговязого, он написал ей несколько жалобных писем. Она даже не ответила... А ведь как любила! «Ты хороший, добрый, у тебя золотой характер».

Долговязый теперь... Эх!

И чего она только в нем нашла? Длинный-предлинный, голова какая-то маленькая... А на лице этакая кривая усмешечка. Как пройдет мимо, обязательно усмехнется. Как будто бы те письма читал... И чего она только в нем нашла? Правда, сильный. Все ребята его боятся — дерется, как волк. Сам видел. Да и вообще... верхолаз...

А сам он тогда водителем троллейбуса работал. И вроде ничего, работа как работа была. Только вот микрофон. Ох, уж этот микрофон! С тех пор, как не стало кондукторов, этот микрофон, это чудовище, которое хрипело, шипело и рявкало, стоил ему здоровья... Он помнит, как впервые поднес его к губам и сказал... В троллейбусе дружно засмеялись.

И было над чем! Самую обыкновенную фразу «Граждане пассажиры, не забывайте своевременно оплатить свой проезд» он произнес каким-то ненормальным просительным и жалобным голосом.

На следующей остановке он попытался произнести ту же фразу более твердым голосом. Получилось так, как если бы он просил милостыню. А ведь из-за нее, из-за слабости, из-за доброты своей проклятой. С тех пор он стал испытывать муки творчества. Все придумывал уместные интонации для беседы с пассажирами. Микрофон не подчинялся ему. Не то от излишнего усердия или, бог знает, от чего еще эта проклятая фраза стала звучать напыщенно и напевно, приблизительно так, как поэты читают свои стихи. Получалось совсем уморительно. Пассажиры веселились пуще прежнего. А что было, когда он объявлял остановки! Подробно: как пройти в ГУМ или куда еще... Одна девчонка так расхохоталась, что проехала дальше, чем нужно. Все просила потом дверь ей открыть. Чего захотела! На мосту дверь открывай для нее. Пустосмешка!

Кажется, после этого случая, нет, пожалуй, еще раньше, разлюбил он окончательно свою работу. Скучно стало! Эх, думал, зря на водителя выучился! Оставался бы лучше слесарем. Все-таки соображать больше надо было. И микрофон не рявкал... Зря! Теперь ползаешь целый день по земле, как черепаха... Неба не видно...

Небо!.. Тут как раз это случилось. Как назло за верхолаза вышла она. Ну, как назло! Где она только с ним познакомилась? Сидел за баранкой, а сам думал: «Вот бы и мне верхолазом стать или даже летчиком... Летчиком и мечтать нечего. А верхолазом — почему бы и нет?»

Друзья говорили: «Ты что, с ума спятил? Работа у тебя чистая, заработок неплохой. Зачем тебе стройка?» А он все-таки записался. И случись же такое! Оказался на одной стройке с ним, с долговязым.

Она к мужу однажды на работу приходила. Встретились. У него внутри все перевернулось. А она спокойно так: «Здравствуй, как живешь?» Он даже ответить ничего не смог — дыхание захватило. Ребята потом говорили, что он стоял весь красный как рак и глаза выпучены. А ведь все из-за нее, из-за слабости. Был бы сильным, прошел бы мимо так, словно и не знал эту женщину никогда, как будто это совсем даже не она, а ...столб. Нет! Надо же было остановиться. Да еще глаза выпучить. А потом и долговязый подошел. И как всегда — с усмешечкой. Больше не усмехается. После сегодняшнего...

И ведь как неожиданно! Еще утром погода как погода была. Даже вроде солнце выглядывало. Правда, похолодало. И вдруг! Самый настоящий снежный ураган. Да еще какой! Когда в башенном кране заклинило груз, вся стройка встала, все смотрели, и он тоже. Под напором ветра груз медленно раскачивался из стороны в сторону. И все думали: «Высота не меньше ста метров. Сорвется — стену разрушит вдребезги. Вся работа к чертям». Наверное, то же самое бригадир кричал прорабу. Слова плохо слышны были: ветер заглушал и уносил в сторону.

Потом бригадир подозвал долговязого и быстро стал ему что-то объяснять, показывая на стрелу крана и на груз, который все так же раскачивался под напором ветра. Должно быть, просил подняться наверх. Кого же еще просить? Никто не мог быстрее и ловчее долговязого взбираться на краны. В последний раз вся стройка любовалась: прямо как в цирке акробат. Но на этот раз долговязый, видно, не хотел: он отрицательно мотал головой и, в свою очередь, что-то объяснял бригадиру, крича ему в самое ухо. Кто-то рядом сказал... (Кто это рядом стоял? Он даже не помнит... не заметил...) Кто-то рядом сказал: «Кто ж в такой ураган полезет? Кому это своей башки не жалко?» И вот на этих самых словах его как будто кто в спину толкнул: он сорвался с места и, прыгая через балки, побежал к бригадиру.

Странно: когда бежал, почему-то вспомнил ипподром. А! Это, наверное, потому, что балок уж очень много на пути было, прямо скачка с препятствиями... Еще не добежав, он остановился и заорал, стараясь перекричать ветер: «Я полезу!» И, на ходу сбрасывая полушубок, бросился к крану. Бригадир что-то кричал вслед, а он уже взбирался по обледеневшим конструкциям. Ледяное железо обжигало пальцы, и руки заоченели очень быстро. Ветер словно взбесился: вот-вот сбросит на землю. Захватывало дыхание. Он отворачивал голову от ветра, хватал широко раскрытым ртом воздух и продвигался вперед. «Сла-а-а-зь!» — услышал он снизу испуганный голос бригадира. Остановился, посмотрел вверх и понял, что не добрался даже до середины — кабина машиниста еле вырисовывалась в снежной мгле. «Лучше спуститься, — пронеслось в его голове. — Лучше спуститься — не выдержи. Не смогу! Нечего было героя из себя корчить».

И вдруг представил перед собой лицо долговязого, усмешечку. И полез выше.

Дальше он что-то плохо помнит. Как будто скоро он перестал ощущать ледяной ветер, который здесь, наверху, должно быть, неистовствовал еще больше. Перестал слышать шум стройки и голоса снизу. Он думал только об одном: о цели, к которой приближался сантиметр за сантиметром... Помнит только, когда пристегивался монтажным ремнем к стреле, почему-то в памяти промелькнули ее слова: «Ты хороший, добрый, у тебя золотой характер». Это он точно помнит...

Когда груз опустился на землю и он сошел вниз, все бросились к нему. Его на руках отнесли в прорабскую к печке, стали оттирать снегом... А бригадир с подвигом поздравлял...

Вот наконец и троллейбус. Водитель вроде знакомый. Да это же Валька! Три года в одном троллейбусном парке работали. Вот здорово! И билет не надо брать. Просто вошел через переднюю дверь и:

— Здорово, Валь!

— Ты? Заходи в кабину скорей. Да ты на этой стройке, что ль?

— Ага!

— А мы часто тебя вспоминаем, как ушел. Я тебе вроде до сих пор рубль должен... Ну, как заработок? Небось лучше, чем в парке?

— Пока нет.

— Я тебе рубль в другой раз отдам. А?

— Ладно.

— Что с тобой? Ты что, микрофона никогда не видал? Чего ты на него уставился?

— Дай-ка его мне.

Он взял микрофон. Маленький микрофон, который когда-то казался ему таким злым и которого он так боялся. Теперь-то он укротит это «чудовище»... Теперь-то... Он спокойно поднес микрофон к губам и сказал...

В троллейбусе дружно засмеялись... И было над чем! Самую обыкновенную фразу «Граждане пассажиры, не забудьте своевременно оплатить свой проезд» он произнес каким-то ненормальным просительным и жалобным голосом...

У НЕГО ЛЮБОВЬ!

Может быть, кое у кого из Лёниных сверстников мечты были дерзновенные, а Ленька мечтал получить письмо. Еще с раннего детства, когда отец купил ему книжку про ленинградского почтальона. Ленька плохо помнил своего отца, потому что тот давно уже жил в другом городе с другой семьей. А вот стихи из той книжки — отцовского подарка — помнил до сих пор.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой «5» на медной бляшке
В старой форменной фуражке?

Это — он.

Это — он.

Ленинградский почтальон.

В доме, где жил Леня, почтальон разносил письма ежедневно. Он тоже носил форменную фуражку и толстую сумку на ремне. И Леньке казалось, что весь мир только и делает, что шлет письма да отвечает, — уж очень много писем лежало в той сумке.

Никогда еще за все свои двенадцать лет Ленька не получил ни одного письма. И его мать почему-то не получала. Во всяком случае такого он припомнить не мог.

А это случилось однажды около 7 часов вечера, когда Ленька возвращался со двора домой. Он встретил почтальона на втором этаже. Большая сумка на ремне была уже почти пуста, а в руке почтальон держал одно письмо. Ленька, конечно, захотел пройти мимо, но почтальон его остановил:

— Ты вроде Заплаткин?

— Да, — ответил Ленька и замер.

— «Л» Заплаткин?

— «Л», — ответил Ленька и услышал стук собственного сердца.

— Получай письмо. Да пусть в следующий раз внимательнее адрес пишут. Дом значится, квартиры нет.

Почтальон уже звонил в квартиру на первом этаже, а Ленька все еще стоял на месте, не веря в случившееся чудо. Но факт был налицо. В руках конверт. Наконец он сдвинулся с места, но не стал прыгать через две ступеньки, как всегда. Теперь он поднимался по лестнице медленно и почти солидно.

Матери дома еще не было. Сначала Леня выключил радио, потом сел за письменный стол, освободил место для письма, отодвинув учебники и тетради, зажег настольную лампу и стал осторожно распечатывать конверт. Развернул письмо, прочел первые строчки и обомлел.

«Любовь моя, больше так продолжаться не может». Ленька перевел дух и стал читать дальше. «Москва опустела без тебя. Мне все равно теперь, где жить. Только бы быть с тобой. Я все поняла за это время. Я поняла себя и тебя...» Конечно, Ленька сразу сообразил, что произошла ошибка, и письмо, к сожалению, адресовано не ему. Но оторваться от чтения уже не мог. «Я приеду раньше, чем придет твой ответ. Встречай. Люблю. Целую. Нина». Дальше значилось число, номер поезда, вагона и час прибытия.

Ленька дочитал письмо, призадумался: «Значит, живет в доме еще один Л. Заплаткин? В какой же это квартире? Догнать почтальона? Разве его теперь догонишь? Узнать в домоуправлении, где проживает еще один Л. Заплаткин? Домоуправление до пяти работает. А завтра перед школой не успеть... Днем она уже приезжает... Утро вечера мудренее!» — решил он наконец и лег спать.

Спал он плохо — ворочался с боку на бок. И все думал.

На вокзал он отправился сразу после школы. Всю дорогу бежал, потому что боялся опоздать. Но опоздал не он, а поезд. Ленька проторчал на вокзале целых полтора часа, пока наконец прибыл поезд из Москвы. Пока он искал нужный вагон, пассажиры почти все разошлись. И на перроне осталась стоять высокая нарядная девушка. Она смотрела по сторонам с ожиданием и тревогой. Ленька сразу догадался, что это Нина. И подошел..

— Здравствуйте! — сказал он, глядя на девушку снизу вверх, потому что не доставал ей до плеча.

— Что тебе, мальчик? — удивилась она и снова стала смотреть по сторонам. Тогда Ленька протянул ей письмо и смущенно объяснил, что произошло.

— Какой ужас, какой кошмар! — заволновалась девушка. — Квартира тридцать. Тридцать! Как же это я забыла написать?! Не Леонид, а Лев Заплаткин! Ой, что же теперь делать!... Понимаешь, мальчик, я очень волновалась, когда писала... Ой, тебе этого еще не понять...

— Почему? — сказал Ленька. — Я понимаю. Квартира тридцать — это вход с улицы. А у нас со двора. Пойдемте. Я покажу.

И он взял чемодан. Чемодан был маленький, но оказался тяжелым. У Леньки заняло плечо, но он не убавлял шага, делал вид, что чемодан ему все равно, что перышко.

Он поставил чемодан перед подъездом и сказал, показывая на табличку перед дверью:

— Здесь. Квартиры от 25 до 34.

И хотел было отправиться восвояси. Но Нина его остановила:

— Ты меня извини, мальчик, но, понимаешь, как-то неудобно... Без предупреждения... Он ведь письма не получил... А я сразу с чемоданом... Тебе этого еще не понять...

— Почему? Я понимаю, — сказал Ленька. — Идите, я посторожу. — И остался стоять возле чемодана. Так он простоял довольно долго, пока не услышал из подъезда какие-то странные звуки. Просунул голову в подъезд и увидел Нину. Она стояла, обнимая батарею отопления, и плакала навзрыд. Ленька втащил чемодан в подъезд и стал думать, что делать дальше. Скоро он почувствовал, что к горлу у него подкатил комок и защипало в носу. Так с ним бывало всякий раз, когда плакала его мамка, соседка или какая-

нибудь другая женщина. Не мог он выносить женские слезы! Была у Лени такая черта характера. Раньше, когда он был маленький, то громко ревел с плачущей. А теперь реветь вместе было уже неудобно. И Ленька в подобных случаях себя перевоспитывал — сдерживался изо всех сил.

— Тетя Нина, не плачьте, пожалуйста! — Он потянул девушку за рукав.

Нина не обратила на него никакого внимания. У Леньки в носу щипало все сильнее, и он мучительно соображал, что бы такое ей еще сказать, чтобы она перестала плакать. В голову как назло лезли мамкины извечные пословицы и поговорки: «Утро вечера мудренее», «До свадьбы заживет» и прочее. Как только Нина услышала про свадьбу, то зарыдала пуще прежнего. И сквозь слезы стала разговаривать не то с собой, не то с Ленькой:

— Какая теперь свадьба! Какая свадьба?! Дверь открывает вся рыжая такая... Я говорю: «Мне Леву»... А она ехидно так: «Его нет». Я: «Когда будет?» А она ехидно так: «Неизвестно». Я: «Вы сестра?» А она отвечает: «Жена» — и еще смеется... Какой ужас, какой кошмар! Ведь красивые слова про любовь говорил... Ведь звал! Звал к себе!

В носу у Леньки щипало все сильнее, и он понял, что приближается момент, когда он должен зареветь непременно. И очень боялся, что в этот момент в подъезд кто-нибудь войдет. И решил, что лучше Нине плакать не в подъезде, а в другом месте.

— Тетя Нина, не плачьте, пожалуйста! — взмолился он. — Пожалуйста! Я тут в этом доме с другого бока живу. Вход со двора. Тетя Нина, пойдемте, пожалуйста, к нам!..

Нина, наверное, сама понимала, что в подъезде плакать неудобно, и послушно пошла вслед за Ленькой.

Как только они вошли в комнату, Нина бросилась на диван и опять зарыдала. Ленька попробовал ее отвлечь — сказал, что может вскипятить чай и еще умеет жарить картошку. Тогда Нина стала объяснять ему сквозь слезы, что никакого чая с картошкой она не хочет, и вообще абсолютно ничего не хочет, и что жизнь сплошной ужас и кошмар, и она в поезде не спала ни минуточки, потому что все время думала, и что она ужас какая несчастливая, и что Леньке этого еще не понять...

Ленька хотел сказать, что его мамка все понимает и когда придет с дежурства 10 минут первого, тогда, может быть, что-нибудь посоветует. Но голос не повиновался ему — Леньке хотелось реветь нестерпимо. И для этой цели он удалился в кухню. Там он пробыл довольно долго, стараясь производить как можно меньше шума, чтобы не привлекать внимания соседки — все время боялся, что та придет на кухню и застанет его за таким недостойным занятием.

А когда вернулся в комнату, увидел, что Нина так и заснула, полулежа на диване. Время от времени она еще всхлипывала во сне, но ее лицо теперь казалось спокойным. Ленька обрадовался и сел за уроки. Страницы он переворачивал осторожно, чтобы не шуршать и каждый раз оборачивался поглядеть: не проснулась ли Нина?

Когда мать вошла в комнату, девушка еще спала, а Ленька сидел в кресле и думал.

— Это Нина, — шепотом доложил он, — мы познакомились вчера.

Мать с грохотом пододвинула стул и грузно опустилась на него. Девушка проснулась. Села на диване и стала бормотать, что сию же минуту пойдет за билетами. Вид у нее был испуганный, и Ленька боялся, что она опять заплачет. Он продолжил было свои пояснения, но Нина его перебила и стала сама сбивчиво объяснять, что к чему. Мать все быстро поняла и сказала:

— Милая, куда ж теперь за билетами? Ночь на дворе. Завтра и поедешь, поезд на Москву в 12.40 отходит. Утро вечера мудренее... Жизнь прожить — не поле перейти...

И поставила Леньке раскладушку на кухню.

Когда утром он проснулся, Нины уже не было. Мать спала. Она проснулась, когда Ленька нечаянно загремел чайником. Тогда он спросил про Нину.

«Беда... — пробормотала мать сквозь сон. — Тебе этого еще не понять. Марш в школу». Ленька взял портфель и пошел.

На первом уроке он сидел кое-как: ерзал на скамье и все думал.

— Как же так?.. Ведь красивые слова про любовь говорил? Говорил. Звал? Звал. А зачем звал, если жена есть?

На большой перемене перед арифметикой Ленька принял наконец решение. И стал собираться.

— Ты что? — изумился сосед по парте.

Ленька даже не ответил — ему была дорога каждая минута. Взял портфель и зашагал к двери. В коридоре он столкнулся с учительницей по математике.

— Заплаткин, ты куда?

Ленька хотел было что-то объяснить, но, вспомнив, что некогда, ни слова не говоря, бросился вниз по лестнице.

Дверь квартиры номер тридцать открыла рыжая девушка.

— Здравствуйте, — сказал Ленька. — Мне Леву.

— Его нет, — ответила девушка.

— А когда он будет? — строго спросил Ленька.

— Не знаю, — сказала девушка, — а в чем дело?

— У меня к нему разговор, — строго сказал Ленька.

В глазах у девушки засветилось любопытство:

— Какой такой разговор?

— Так... Когда он придет?

— Понимаешь, мальчик, — объяснила девушка, — он в Москву уехал.

— В Москву? — переспросил Ленька.

— Да.

— А вы его жена?

— Он пока еще не женат, — улыгнулась девушка. — Я сестра. А что такое случилось? Ты проходи, проходи, мальчик.

Ленька вошел в переднюю.

— Зачем же вы говорите, что жена?

— А ты откуда знаешь? — удивилась девушка и вдруг рассердилась:

— Я затем говорю, что он в Москву жениться поехал. У него там любовь. Нина. Он к ней поехал. У него намерения. Намерения у него. Ясно? Любовь. Тебе этого еще не понять. А ему девчонки без конца звонят. Прямо зло берет! А одна вчера к нам домой заявила. Мне, говорит, Леву. Меня зло взяло, я и сказала, что жена. Ясно? Тебе этого еще не понять...

— Это же Нина вчера была! — разозлился, в свою очередь, Ленька.

Секунду рыжая девушка молча смотрела на него, а потом рассердилась пуще прежнего.

— Ты чего такое болтаешь? Нина в Москве живет...

— Я не болтаю, — объяснил Ленька уже на ходу. — Она приехала, потому что Москва опустела без него!

Он уже бежал вниз по лестнице, а рыжая девушка кричала с верхней площадки теперь уже не сердитым, а жалобным голосом: «Мальчик! Подожди! Что же теперь делать? Где она?.. Я на работу опаздываю...» Дальше Ленька ничего не слышал. Он выбежал на улицу. Ему была дорога каждая минута.

Ленька примчался на вокзал за пять минут до отхода поезда. Он побежал вдоль вагонов, заглядывая в окна каждого купе. И так добежал до самого конца, совсем было потеряв всякую надежду. И вдруг в последнем окне увидел Нину. Она сидела у столика, подперев рукой щеку и понутив голову. Ленька постучал по стеклу. Нина повернулась, увидела его, не то обрадовалась, не то удивилась... Он перевел дух и сказал:

— Это совсем не жена, это сестра была!

Лицо у Нины сделалось напряженным, и Леньке показалось, что она его плохо слышит. Тогда он заорал что есть мочи:

— Он к вам в Москву поехал! У него любовь!

В этот момент поезд тронулся и стал быстро набирать скорость. Ленька бежал за последним вагоном и орал:

— У него любовь!.. Н-а-мерения-а-а!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Свекровь	3
Соловей-разбойник	24
Ходит?.. Пусть женится	32
Высота	39
У него любовь!	42

Анна Ивановна КОЗЛОВСКАЯ

СВЕКРОВЬ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 13.04.83. Подписано к печати 22.06.83. А 00695.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,15. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1627.
Зак. № 613. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

**НА ВСЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТИТ
СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ
СЛУЖБА**

Адреса и телефоны учреждений
и отдельных лиц,
расписание движения
междугородного транспорта,
стоимость проезда и провоза багажа,
репертуар театров, кино и концертных залов,
правила поступления в учебные заведения
можно узнать в справочном киоске
или столе справок и услуг.

Росбытреклама